

Джеймс Хэдли
Чейз

ПЛОТЬ
ОРХИДЕИ

Джеймс Чейз

Плоть орхидеи

«Азбука-Аттикус»

1948

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Плоть орхидеи / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус», 1948

ISBN 978-5-389-17694-2

"Рене Реймонд, известный всему миру под псевдонимом Джеймс Хэдли Чейз, вышел из семьи отставного британского офицера, и отец прочил Рене карьеру ученого. Но в 18 лет будущий писатель оставил учебу и навсегда покинул родительский дом. Он испробовал немало профессий, прежде чем стал агентом по распространению книг и основательно изучил книжный бизнес изнутри. Впоследствии Чейз вспоминал: «...Мне пришлось постучать в сто тысяч дверей, и за каждой из них я мог встретить любого из персонажей своих будущих романов...» В течение почти полувековой писательской деятельности Чейз создал порядка девяноста романов, которые пользовались неизменным успехом у читателей разных стран, и около пятидесяти из них были экранизированы.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17694-2

© Чейз Д. Х., 1948
© Азбука-Аттикус, 1948

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Джеймс Хэдли Чейз

Плоть орхидеи

THE ORCHID

Copyright © Hervey Raymond, 1948

All rights reserved

© А. А. Липинская, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Глава первая

Откуда-то из глубин здания, перекрывая рев ветра, от которого дребезжали окна и сотрясались двери, сквозь стены с мягкой обивкой просочился женский вопль. Это был жуткий звук, свидетельствующий скорее о полной деградации, чем о боли или страхе, и он все нарастал, а достигнув своей кульминации, наконец сменился жалобными всхлипами сумасшедшей.

По широкому коридору, проходящему через все строение, шла молодая симпатичная медсестра и несла на подносе ужин. Она остановилась у одной из дверей и опустила поднос на белый эмалированный столик у стены.

Тут же из-за поворота появился приземистый смуглый мужчина с двумя золотыми зубами. Увидев медсестру, он цинично ухмыльнулся, но сверху снова раздался душераздирающий женский вой, и ухмылка превратилась в гримасу.

– Эти вопли надоели до скрежета зубного, – сказал он, останавливаясь рядом с медсестрой. – Уж хоть бы дать ей повод поорать... Это я бы обеспечил с удовольствием.

– А, это номер десять, – ответила девушка, приглаживая пшеничные кудри, обрамляющие хорошенькое личико под накрахмаленным белым колпачком. – В грозу она всегда так. Надо бы перевести ее в палату со звукоизоляцией.

– Да пристрелить проще, – буркнул коротышка. – Действует мне на нервы. Если б знал, как оно обернется, в жизни не согласился бы на эту работу.

– Не капризничай, Джо, – сказала медсестра, равнодушно посмеиваясь. – Это ж психушка, чего ты хотел-то?

– Уж точно не этого. – Джо помотал головой. – На нервы действует. А урод из пятнадцатой палаты мне утром едва глаза не выколол. Слышала?

– Все слышали, – сказала медсестра и рассмеялась. – Говорят, ты как лист дрожал.

– Надеялся так выпросить у дока Траверса хоть глоточек бренди, – ухмыльнулся Джо. – А он, подлец, мне нюхательной соли дал. – Джо подумал немного и продолжил: – Слышишь, какой ветер? Тут и так жутко, а еще он воет, как заблудшая душа.

– Вот ведь книжек начитался, – сказала медсестра. – А я люблю звук ветра.

– Ну и наслаждайся, – отрезал Джо.

Вдруг женщина наверху рассмеялась, и смех ее прозвучал ясно, пронзительно, без малейшего оттенка истерики, и этот сверхъестественный пугающий звук слился с шумом бушующей на улице грозы.

– И эти хиханьки тебе тоже нравятся? – спросил Джо, поджав губы и беспокойно косясь.

– Привыкла, – сухо сказала медсестра. – Психи – они как дети: желают самовыражаться.

– С этим у нее все в порядке, может гордиться.

После непродолжительной паузы медсестра спросила:

– Дежурство закончилось?

Джо внимательно посмотрел на нее – не то насмешливо, не то дружелюбно.

– Это приглашение? – спросил он, придвигаясь поближе.

Медсестра засмеялась.

– Боюсь, что пока нет, Джо, – с сожалением сказала она. – Надо еще восьмерым подать ужин. Хорошо, если через час освобожусь.

– Да к черту все! Я – спать. Сэм уже пришел на смену. Вставать-то в четыре. И потом, не могу я больше слушать, как эта ненормальная орет, – хватит с меня.

– Хорошо, значит, иди спать. – Медсестра вскинула голову. – Найду другую компанию. Доктор Траверс хочет, чтобы я сыграла с ним в джин-рамми.

Джо фыркнул:

– Только на это он и способен. У дока Траверса ничему новенькому не научишься.

– Знаю... доктор Траверс – не первой свежести... Да и ты тоже, Джо.

Джо потянул носом, глядя на поднос.

– А неплохо их тут кормят. – Он стянул с подноса стебелек сельдерея. – Пока я здесь не начал работать, думал, им бросают сырое мясо сквозь прутья клетки.

Он принялся жевать сельдерей.

– Не трогай ужин пациентки, – с раздражением сказала медсестра. – Какой невоспитанный! Здесь так нельзя.

– Все, уже сделал, – простодушно сказал Джо. – Гадость какая! И потом, у нее столько денег... Вряд ли ее опечалит пропажа веточки сельдерея.

– А, так ты знаешь?

Джо хитро взглянул на нее:

– Я ничего не упускаю. Подслушал под дверь, когда док Траверс орал в трубку. Шесть миллионов баксов. Это же ей Блэндиш оставил, да? Подумать только! Шесть миллионов! – Он тихонько присвистнул.

Медсестра вздохнула. Эта мысль весь день не выходила у нее из головы.

– Ну, некоторым везет, да. – Она прислонилась к стене, оценивающе разглядывая Джо. Все-таки он не лишен привлекательности – так ей казалось.

– Какая она из себя? – спросил Джо, показывая стеблем сельдерея на дверь. – Рассказывают, понимаешь... Сэм говорит, сочная штучка. Это правда?

– Бывают и похуже, да, – отмахнулась медсестра. – Но не в твоем вкусе, Джо.

– Вот, значит, как. Да с шестью миллионами даже лошадь миссис Астор будет в моем вкусе. Если бы эта дамочка дала мне запустить руку в свой кошелек, я бы женился на ней хоть завтра. Может, уговоришь ее?

– Тебе такая жена точно не понравится, Джо, – хихикнула медсестра. – Будешь бояться глаза закрыть. Она прирожденный убийца.

– Если она так хороша, как говорит Сэм, я не захочу закрывать глаза, – парировал Джо. – И потом, ради таких денег стоит и рискнуть. Думаю, я бы с ней справился, взгляд у меня гипнотический. – Он потеревил медсестру за бок. – Однажды и тебя загнипнотизирую.

– А меня не надо и гипнотизировать, – хихикнула она. – Ты же знаешь, Джо.

– И то верно.

Медсестра взяла поднос.

– Все, у меня работа. Неужели не увидимся сегодня? – Она посмотрела на него лукаво. – Правда, что ли, будешь валяться в постели?

Джо окинул ее взглядом:

– Ладно. Тогда в восемь. Но не заставляй меня ждать. Можем пойти в гараж и посидеть в машине. Если не найдем чем заняться, поучу тебя рулить. – Он прикрыл один насмешливый глаз. – Всяко повеселее, чем в джин-рамми играть.

И, погрузившись в свои мысли, зашагал по коридору – нескладный, приземистый, безразличный к собственной победе.

Медсестра посмотрела ему вслед, вздохнула и нашарила ключ, висевший на тонкой цепочке у нее на поясе. Пациентка на третьем этаже опять принялась кричать, словно нашла новый источник вдохновения, – ее вопли перекрывали шум дождя, хлещущего по оштукатуренным стенам лечебницы. Ветер, притихший было перед очередным порывом, постанывал в трубах. Где-то со стороны двора громко хлопнула дверь.

Медсестра отперла замок и вошла в незатейливо обставленную комнату. У окна стоял железный столик, в сторону двери было повернуто кресло – и оба предмета мебели были привинчены к полу. На высоком потолке горела лампа без плафона в проволочной оплетке. Светло-голубые стены были обиты мягким стеганым материалом. На кровати просматривались очертания женщины, очевидно спящей.

Медсестра чуть рассеянно, все еще думая о Джо, поставила поднос на столик и подошла к кровати.

– Проснитесь, – быстро сказала она. – В это время нельзя спать. Поднимайтесь, я вам ужин принесла.

Тело под одеялом не пошевелилось, и медсестра нахмурилась: ей вдруг стало не по себе.

– Просыпайтесь! – резко повторила она, касаясь спящей.

Когда пальцы ее погрузились во что-то мягкое, она поняла, что под одеялом – не человеческое тело. По спине пробежал холодок тревоги. Она откинула одеяло и едва успела заметить подушку и свернутое одеяло вместо пациентки: в этот миг стальные пальцы сомкнулись на ее лодыжках и сильно дернули.

Ужас сковал ей горло, не дав издать и звука, и она почувствовала, что падает. Миг, пока она отчаянно пыталась удержаться на ногах, показался ей бесконечностью, потом она рухнула на спину, и от сильного удара головой и плечами об покрытый ковром пол ей стало плохо. Ошеломленная, неспособная двигаться, она вдруг осознала, что оказалась наедине с опасной сумасшедшей, и отчаянно попыталась встать. Смутно ощущая, как кто-то над ней нависает, женщина тоненько пискнула от ужаса – мышцы отказались ей повиноваться. И тут поднос вместе со всем содержимым, с едой и посудой, обрушился ей на голову.

Женщина на третьем этаже снова смеялась – ее невеселый смех походил на дикий хохот гиены.

Джо поднял плечи, словно ожидая удара в затылок, и заторопился по темному коридору, потом вниз по лестнице, в цокольный этаж. Он рад был оказаться в спальне, которую делил с Сэмом Гарландом, шофером доктора Траверса. Гарланд хоть и лежал на койке под одеялом, но все еще оставался в брюках и рубашке. Его широкое добродушное лицо было обращено вверх, глаза закрыты.

– Ну и ночка! – оживился он, когда Джо вошел. – Несколько лет ничего подобного не было.

– Жутковато, – сказал Джо, подходя к камину и усаживаясь в кресло. – Наверху эта безумная то смеется, то воет, здорово действует на нервы.

– Слышал. А если она сбежит и заберется сюда, пока мы будем спать? – Гарланд спрятал ухмылку. – Только представь, Джо: явится с ножом, пока темно, и перережет нам, спящим, глотки. Вот посмеется-то тогда, а?

– Заткнись! – сказал Джо, вздрагивая. – Чего это ты вздумал страху на меня нагонять?

– Да такое уже было, – соврал Гарланд, устраиваясь поудобнее на засаленной подушке. – Одна вот заявила к медсестре с бритвой – а когда ее нашли, она в коридоре играла в футбол головой этой самой медсестры, катала ее туда-сюда. Это еще до твоего прихода случилось.

– Враки! – разозлился Джо. – Заглохни! Говорю же, у меня сегодня нервы на пределе.

– Да я ж просто так – поболтать... – Гарланд усмехнулся и снова закрыл глаза. – Расслабься. Хорошая работа, особенно если не дергаться.

– А мне-то свезло как, – сказал Джо, почесывая затылок. – Иду на свидание с блондинистой сестричкой со второго этажа, в восемь часов. Не думаю, что в темноте получится у нас что-то хорошее.

– А, с той, – презрительно бросил Гарланд. – Она со всеми новенькими встречается. Не такая уж она и красотка.

– Ну, на заднем сиденье машины сойдет. Пару дней назад у нас была репетиция в костюмах... Вполне себе энергичная дамочка.

– В том-то и проблема, – сказал Гарланд. – Слишком энергичная.

Но Джо не слушал. Он подался вперед, пристально глядя на дверь.

– Сейчас-то что не так? – озадаченно спросил Джо.

– Снаружи кто-то есть, – прошептал Джо.

– Может, мышь или твоей блондиночке уже не терпится, – усмехнулся Гарланд. – Ну есть там кто-то – и что?

Но Джо был так явно напуган, что это подействовало и на Гарланда, – он тоже сел и прислушался.

Снаружи скрипнула половица, потом другая. Чья-то рука коснулась стены, потом еще раз – уже ближе.

– Может, это Борис Карлофф, – предположил Гарланд, но улыбка застыла на его лице. – Сходи глянь, Джо.

– Сам глянь, – прошептал Джо. – Я туда и за сотню баксов не сунусь.

Никто из них не пошевелился.

У двери кто-то зашарил рукой, опять скрипнула доска, потом топот ног по деревянному полу коридора заставил мужчин вскочить. Гарланд отбросил одеяло, Джо споткнулся о свое кресло. Тут же хлопнула задняя дверь, и по коридору пронеслась волна холодного воздуха.

– Кто это был? – спросил Джо, пятясь назад.

– Да просто кто-то вышел, дуралей, – проворчал Гарланд, садясь на кровать. – Что с тобой? Я вот теперь тоже дергаюсь.

Джо запустил пальцы в волосы:

– Меня сегодня натурально трясет. И наверху эта кричит не переставая, да еще гроза.

Он продолжал прислушиваться, глядя на дверь.

– Потому что хватит жрать витамины пачками, – резко сказал Гарланд. – А то сам в дурку загремишь.

– Слушай! Это собака. Нет, ты прислушайся.

Где-то в саду тоскливо завывала собака. Ветер подхватывал звук и уносил его прочь.

– Чего ж ей не повыть, если хочется? – неуверенно спросил Гарланд.

– Не в том дело. – Лицо Джо приняло сосредоточенное выражение. – Так собака воет, только если ее сильно напугать. Что-то ее страшит.

Они прислушались к тоскливому вою, потом Гарланд вдруг вздрогнул.

– Ты накручиваешь меня, – сердито сказал он, выглядывая в окно, в мокрую темноту. – Ничего не видно. Может, нам спуститься – у нее хоть будет причина для вытья?

– Я не пойду. – Джо сел. – Туда, в темноту, – да ни за какие деньги!

Но пронзительная трель звонка тут же заставила его вскочить.

– Это тревога! – закричал Гарланд, хватая пиджак. – Пошли, Джо, давай быстрее!

– Тревога? – непонимающе спросил Джо. У него по спине пробежал холодок до самых корней волос. – Какая тревога?

– Кто-то из психов сбежал! – проорал Гарланд, протискиваясь мимо Джо к двери. – Нравится тебе или нет, придется двинуть в темноту прямо сейчас.

– Так вот почему завывала собака, вот что мы с тобой слышали, – сказал Джо, не решаясь сдвинуться с места.

Но Гарланд уже бежал по коридору, и Джо, которому было страшно оставаться одному, поспешил за ним.

Перекрывая шум ветра и дождя, снова завывала собака.

Шериф Камп стряхнул воду с черной шляпы, входя вслед за медсестрой в кабинет доктора Траверса.

– Слышал, у вас тут неприятности, док. – Он пожал руку высокому угловатому человеку, шагнувшему ему навстречу. – Кто-то сбежал, верно?

Траверс кивнул. В его глубоко посаженных глазах читалось беспокойство.

– Мои люди сейчас ищут пациентку, – сказал он, – но нам пригодится любая помощь. Нервная работа: понимаете, она опасна.

Шериф потянул соломенный ус, пожелтевший от табака, ошарашенно глядя светлыми глазами.

– Так, значит? – медленно выговорил он.

– Я в очень затруднительном положении, – продолжал Траверс. – Если эта история попадет в газеты, мне конец. Именно эту пациентку никак нельзя было потерять.

– Помогу, чем смогу, док. – Камп сел. – Можете на меня положиться.

– Знаю. – Траверс принялся расхаживать туда-сюда и вдруг продолжил: – Пациентка – наследница Джона Блэндиша. Его имя вам о чем-то говорит?

Камп нахмурился:

– Джон Блэндиш? Да, кажется, что-то слышал. Это тот миллионер, у которого лет двадцать назад похитили дочку?

– Именно. Пациентку нужно вернуть на место раньше, чем кто-либо узнает о ее побеге. Вспомните, какой шум поднялся, когда Блэндиш умер в прошлом году. Если новости просочатся, все начнется по новой, хоть клинику закрывай.

– Да расслабьтесь, док, – спокойно сказал Камп. – Получите вы ее назад. – Он снова потянул себя за ус. – Говорите, она наследница Блэндиша? А о чем он думал, когда завещал деньги сумасшедшей? Бред же.

– Это его незаконнорожденная внучка, – сказал Траверс, понизив голос. – Просто чтобы вы были в курсе, и больше никому не говорите.

– Повторите, пожалуйста, – сказал Камп, выпрямляясь.

– Дочку Блэндиша похитил убийца-дегенерат, – сказал Траверс после минутного колебания. – Когда ее нашли, она успела пробыть в его руках не один месяц, и, помните, она покончила с собой – выбросилась из окна, не дождавшись встречи с отцом. Она умерла от полученных травм.

– Да, я в курсе, – нетерпеливо сказал Камп.

– Но вот чего вы не знаете: перед смертью она родила дочь. Отец ребенка – похититель, Гриссон.

Камп шумно выдохнул:

– И этот ребенок – ваша пациентка, ну, в смысле, уже взрослая, так?

Траверс кивнул:

– Внешне Кэрол – точная копия матери, и Блэндиш не мог вынести ее присутствия. Поэтому ее воспитывали приемные родители. Блэндиш не пытался сблизиться с ней, но она ни в чем не нуждалась. То, что ее отец – дегенерат, вызывало подозрения, но в первые восемь лет ее жизни не было видно никаких признаков дурной наследственности. За ней наблюдали; но когда ей исполнилось десять, она перестала общаться с другими детьми, стала мрачной, проявилась тяга к насилию. Блэндишу сообщили, и он нанял для присмотра за ней медсестру из психиатрической лечебницы. Она буйствовала все сильнее, и скоро стало понятно, что ее нельзя доверить никому, кто слабее ее. К тому времени, как ей исполнилось девятнадцать, ее пришлось признать невменяемой. Уже три года она – моя пациентка.

– Насколько она опасна?

– Трудно сказать. – Траверс отвернулся. – Все это время она была под наблюдением обученных специалистов, которые с ней справлялись. Не хочу, чтобы вы подумали, будто она всегда агрессивна и опасна – вовсе нет. На самом деле большую часть времени это очень милая и приятная девушка. Она месяцами ведет себя совершенно нормально, и кажется, что держать ее взаперти – недопустимо. Но потом вдруг она нападает на всех без разбору. Такая странная душевная болезнь, разновидность шизофрении. – (Тут Камп поблел.) – Если хотите, раздвоение личности, как у Джекила и Хайда. Как будто у нее в голове какая-то шторка, кото-

рая ни с того ни с сего захлопывается, превращая ее в маньячку-убийцу. Проблема в том, что предугадать наступление приступа невозможно. Что-то вдруг происходит, и она нападает на всех подряд с удивительной яростью и силой. Когда она не в себе, силой может потягаться с любым мужчиной.

– Она уже убила кого-нибудь? – спросил Камп, дергая себя за усы.

– Нет, но ее признали невменяемой после двух неприятных происшествий. В последний раз она напала на одного типа, который бил собаку. Она любит животных, и прежде чем медсестра успела сделать хоть шаг, она налетела на того человека и исполосовала ему лицо ногтями. У нее очень сильные руки, и парень в итоге ослеп на один глаз. Медсестра и подоспевшие прохожие с трудом оторвали ее от него. Очевидно, что, если бы не они, она бы его убила. Он подал в суд, и ее отправили в клинику. Дело замяли, но Блэндишу пришлось прилично раскошелиться. – Траверс пробежал пальцами по волосам и тряхнул головой. – А сейчас она может отправиться, куда ей вздумается, и любой, кто на нее наткнется, в серьезной опасности.

– Да уж, хорошенькое дело, – сказал Камп. – И погода ведь дело не облегчает.

– Ее нужно найти тихо и быстро, без огласки. Вы, наверно, слышали, что имущество Блэндиша по завещанию переходит в руки поверенных, включая деньги – шесть миллионов долларов. Но если станет известно, что она сбежала и бродит по окрестностям, кто-нибудь нечистоплотный может попытаться захватить ее и получить доступ к деньгам.

– Но при наличии опекунов состояние в безопасности, разве нет?

– Не факт. В нашем штате имеется закон, охраняющий права невменяемых. Если такой человек бежит из-под судебного присмотра и остается на свободе в течение четырнадцати дней, то, прежде чем поместить его в клинику, нужно будет заново признать, что он не в себе. Насколько я в курсе, согласно условиям завещания Блэндиша, если девушка покинет клинику и не будет признана невменяемой вторично, деньги достанутся ей и в опекунах больше не будет необходимости. Видите ли, Блэндиш не верил, что внука неизлечима, и именно потому выразил свою последнюю волю таким образом. Думаю, он жалел, что отдал ее в чужие руки в раннем детстве, и хотел это как-то компенсировать.

– Словом, если ее не найдут за две недели, вы не примете ее обратно?

– Если только судья не вынесет решение о ее заключении в лечебницу и оно не будет подтверждено двумя независимыми экспертами, а они не станут принимать в расчет историю ее болезни. Придется доказывать, что она невменяема, прежде чем они смогут что-то сделать, а если она покинет территорию штата, то это и вовсе может оказаться невозможным.

– Значит, нужно срочно ее отыскать. У нее были свои деньги?

– По крайней мере, я об этом не знаю. Скорее, нет.

– У вас есть ее фото?

– Не думаю, что они вообще существуют.

– Тогда опишите ее.

Камп достал из кармана потрепанный блокнот.

Траверс нахмурился:

– Ее трудно описать так, чтобы вы могли представить. Ну, смотрите. Ростом она, думаю, пять футов и пять дюймов, волосы рыжие, глаза большие и зеленые. Она необычайно красивая девушка – хорошо сложенная, грациозная. Иногда она так по-особенному смотрит на собеседника из-под полуопущенных век, и в этом есть что-то определенно неприятное, будто расчетливое. С правой стороны рта у нее нервный тик, единственный внешний признак душевной болезни.

Камп что-то хрюкнул, строча в блокноте.

– А особые приметы есть?

– Двухдюймовый неровный шрам на левом запястье. Это она пыталась вскрыть себе вены во время припадка, уже когда находилась у нас. Самое примечательное в ней – волосы.

Таких рыжих я никогда не видел – будто и правда красные, а не рыжевато-коричневые, очень необычно и красиво.

– А как она была одета во время побега?

– Темно-синее шерстяное платье и крепкие башмаки пропали. Мой шофер говорит, что исчезло его пальто, которое висело в коридоре у двери. Надо полагать, тоже она прихватила.

Камп встал:

– Ладно, начнем. Сообщу в патрульную службу, чтобы перекрыли дороги, и организую поисковый отряд, чтобы прочесать холмы. Не волнуйтесь, док, мы ее найдем.

Но, слушая, как отъезжает машина шерифа, Траверсу подумалось: нет, не найдут.

Грузовик остановился у кафе Энди. Дэн Бернс устало выбрался из кабины и побрел по лужам, пригнувшись, чтобы хоть как-то защититься от сильного ветра и дождя. Он толкнул дверь и пробрался сквозь жару и тяжелый табачный дым к столику почти у самой плиты.

Появился Энди – шумный жизнерадостный толстяк.

– Привет, Дэн, рад видеть. Что-то неважно выглядишь, сынок. Сегодня не поедешь, правда ведь? Ребята по большей части остаются ночевать. Для тебя тоже найдем местечко.

– Нет, надо ехать, – сказал Дэн. Лицо его застыло от усталости, веки сами собой опускались. – Налей-ка мне кофейку, Энди, да покрепче. Завтра мне нужно быть в Оуквилле.

– Да ты рехнулся, – сплюнул Энди. Он ушел и почти тут же вернулся с чашкой кофе. – Вы, дальнобойщики, ненормальные. Почему бы не поспать? Уже небось несколько дней кровати не видал?

– Я, по-твоему, развлекаюсь, что ли? С такими расценками и с просрочкой долга за грузовик в десять недель что еще остается? Я не хочу потерять грузовик, Энди.

– Будь только осторожнее. Ты скверно выглядишь и не в том состоянии, чтобы вести машину по горной дороге.

– Брось ты. Говорю же, мое дело. – Он пригубил горячий кофе и вздохнул. – У меня пятьсот гребаных ящиков грейпфрутов, того и гляди сгниют. Нужно отвезти их, Энди. Иначе не добыть денег.

Энди фыркнул:

– Ну, раз так... Как там Конни и малыш? Надеюсь, в следующий раз прихватишь их с собой. Хотел бы с ними повидаться.

Лицо Дэна посветлело.

– Они в порядке. А вот привезти не смогу, Энди, – слишком сложно, приходится все время мотаться туда-сюда. – Он допил кофе. – Надеюсь хоть как-нибудь дома переночевать – я там несколько недель не был.

– Да уж, хорошо бы. А то, не ровен час, вздумаешь поцеловать Конни, а сынишка тебе в глаз заедет.

– Точно. – Дэн встал. – Мне уже просто-таки худо от этого дождя.

– Сегодня точно не прекратится. Береги себя, сынок.

– Ладно. Ну, будь здоров, увидимся, если повезет с грузом.

– Непременно повезет, – жизнерадостно сказал Энди. – Смотри там, не усни, когда поедешь через гору. – Он подобрал деньги, которые Дэн выложил на стол. – Пока.

После теплого кафе кабина показалась Дэну холодной, и он как будто взбодрился. Он завел мотор, выехал на дорогу, и машина с ревом устремилась в темноту и дождь.

Справа, поодаль от шоссе, он увидел освещенные окна психиатрической лечебницы Гленвью и сморщил курносый нос в тревожной гримасе. Каждый раз, проезжая мимо, он думал: если не перестанет вот так ездить, не врежется во что-то, не сгорит, то точно попадет в дурдом. Долгие часы за рулем, монотонный рокот мотора, постоянный недосып в конце кон-

цов сведут с ума любого. Он снова посмотрел на удаляющиеся огни Гленвью. Ну, туда-то ему угодить не грозит – в Гленвью только богатые психи.

Ветер бил в борт грузовика, по крыше молотил дождь. Дорогу было видно плохо, но он ехал дальше, до боли сжимая руль.

Вдруг он подался вперед, вглядываясь в лобовое стекло. Фары высветили девушку, стоящую у шоссе. Она словно не замечала хлещущего дождя и никак не отреагировала, когда к ней приблизился грузовик.

Дэн машинально нажал на педаль тормоза, и задние колеса заскользили. Он подъехал к девушке и высунулся из кабины. Теперь фары не светили на нее, и Дэн плохо ее видел, но мог разглядеть, что она без шляпы и мокрые волосы прилипли к голове.

Это казалось странным и слегка встревожило Дэна.

– Подвезти? – спросил он во весь голос, пытаясь перекричать шум бури, и открыл дверцу.

Девушка не шелохнулась. Он видел лишь белое пятно ее лица, чувствовал на себе ее взгляд.

– Я спрашиваю, подвезти? – проорал он. – И вообще, что вы тут делаете – не видите, какой дождь?

– Да, подвезите меня, – сказала девушка бесцветным голосом, лишенным всякого выражения.

Он наклонился, схватил ее за руку и помог забраться в кабину рядом с собой.

– Сырость такая, – сказал Дэн. – Жутко сырая ночь.

Он перегнулся через пассажирку и захлопнул дверцу. В тусклом свете приборной панели он заметил, что девушка одета в мужской тренч.

– Не правда ли? – невпопад произнесла она.

– Вот именно, жуткая сырость, – повторил Дэн озадаченно. Он отпустил тормоза, машина взревела и покатила во тьму.

Издали донесся звон колокола.

– Что это? – спросил Дэн, прислушиваясь. – Вроде колокол.

– Это тревога в психбольнице, – сказала девушка. – Значит, кому-то посчастливилось выбраться.

Она тихонько засмеялась – странный звук с металлическими нотками, от которого Дэну стало слегка не по себе.

Скорбный звон колокола, несомый ветром, преследовал их.

– Хотите сказать, какой-то псих сбежал? – Дэн уставился в темноту, почти ожидая увидеть бормочущего безумца, выскакивающего навстречу грузовику из густых придорожных кустов. – Спорим, вы рады, что я подвернулся? Куда направляетесь?

– Никуда.

Девушка подалась вперед, глядя в залитое дождем лобовое стекло. Свет панели упал на ее длинные тонкие руки, и Дэн заметил на левом запястье глубокий неровный белый шрам. «Почти у самой артерии, – подумал он, – должно быть, она сильно напугалась».

– Никуда? – повторил он и засмеялся. – Дотуда чертовски далеко.

– Я пришла ниоткуда, еду никуда, и я никто, – сказала девушка. В ее жестко звучащем голосе чувствовалась странная горечь.

«Хочет, чтобы я отвязался, не приставал», – подумал Дэн и сказал:

– Я не то чтобы любопытствую. Просто вот еду в Оуквилл, если вам подойдет...

– Подойдет, – безразлично сказала она и притихла.

Теперь они ехали вверх по склону, и мотор нагрелся, наполнив кабину теплом. Дэна разморило. Тело мучительно жаждало сна, мозг онемел, и Дэн вел машину на автомате, забыв о сидящей рядом девушке, и качался в такт с грузовиком, словно тряпичная кукла.

За четверо суток он спал только шесть часов, и сил держаться почти не осталось. Вдруг он неожиданно для себя завалился вперед, уронив голову на руль. Он тут же проснулся и выпрямился, вполголоса ругаясь. Навстречу ему неслась обочина, трава ярко зеленела в свете фар. Он вывернул руль, и грузовик занесло, заскрежетали изношенные колеса. Диски прошлись по кромке травы, брезент кузова задрожал. Огромный груз ящиков с грейпфрутами заскрипел и опасно накренился. На один жуткий миг Дэну показалось, что грузовик сейчас перевернется, но машина выровнялась и поползла дальше по извилистой дороге.

– Ох ты ж... простите, – выдохнул он с бешено бьющимся сердцем. – Кажется, я отрубился. – Он взглянул на девушку, ожидая, что та дрожит от страха, но она все так же смотрела в лобовое стекло, спокойная, неподвижная, как будто ничего не случилось. – Что, совсем не страшно? – спросил он с легким раздражением. – Мы чуть не перевернулись.

– Тогда мы бы погибли, верно? – мягко спросила девушка; он едва слышал ее из-за шума ветра, бьющего в кабину. – Вам было бы страшно умереть?

Дэн поморщился:

– Говорить о таком в машине – к несчастью. Водители гибнут в грузовиках каждый день.

Он постучал костяшками пальцев по деревянной панели и замедлил ход перед крутым поворотом на горную дорогу.

– Едем в гору, – сказал он, придвигаясь ближе к рулю. – Смотри, дорога та еще.

Теперь они были зажаты между высокой гранитной скалой и обрывом. Дэн подобрался. Грузовик пополз под большим углом, ревя мотором.

– Там, выше, ветер будет просто жуть! – прокричал он девушке. И ветер действительно усилился, а где-то впереди в долину посыпались тяжелые камни. – Он дует по равнине и бьется в гору. Я тут ехал в прошлом году в такой же ветер и застрял.

Девушка не отвечала и даже не смотрела на него.

«Чудачка, – подумал Дэн. – Хотел бы я получше разглядеть ее. Вроде бы ничего из себя. – Он зевнул и крепко вцепился в руль. – Я никто и ниоткуда – смешно сказать! Может, в беду попала, убежала из дома».

Он обеспокоенно помотал головой.

Но на следующем изгибе дороги Дэн забыл обо всем, кроме управления грузовиком. Ветер бушевал с яростью дикого зверя. Мотор заглох, и грузовик, вздрогнув, остановился. Они словно врезались в кирпичную стену, двигаясь прямо навстречу ветру, и он ударил изо всех сил. К тому же дождь лил как из ведра, так что лобовое стекло скрипело. Сквозь потоки воды ничего не было видно.

Ругаясь, Дэн снова запустил мотор. Грузовик дернулся вперед, продираясь сквозь ветер, потом вдруг начал сильно раскачиваться. Ящики с грейпфрутами прорвали брезент и посыпались на дорогу.

– Боже! – выдохнул Дэн. – Мой груз!

Он попытался задним ходом добраться до укрытия за скалой. Снова посыпались ящики.

Грузовик качнуло, и он почувствовал, как колеса прокручиваются в воздухе.

«Мы сейчас рухнем», – подумал он, замирая от ужаса. Хотел было открыть дверцу и выскочить, чтобы спастись, но не мог заставить себя покинуть машину и груз.

Грузовик соскальзывал к краю дороги, и, отчаянно пытаясь рулить, Дэн запустил мотор на полную мощность, сдал назад и едва смог развернуть машину в укрытие – задние колеса чуть не сорвались. Он нажал на тормоза, заглушил мотор и откинулся на спинку сиденья; все мышцы дрожали, во рту пересохло.

– Это было нечто, – сказал он, сдвигая кепку на затылок и утирая пот рукавом. – Правда нечто.

– И что теперь будете делать? – спросила девушка с каким-то неестественным спокойствием.

Он не мог говорить, но вылез из кабины под дождь, чтобы оценить ущерб.

В свете фар было видно, что деревянные ящики раскидало по всей дороге. Некоторые открылись, и помятые желтые грейпфруты поблескивали под дождем. Теперь придется ждать рассвета. Он был раздосадован, а на гнев уже не осталось сил. Все, он застрял на дороге и потерял груз – совсем как в прошлом году.

Мокрый насквозь и донельзя усталый, Дэн едва забрался обратно в кабину.

Девушка сидела на его месте, за рулем, но он слишком устал, чтобы попросить ее подвинуться. Он рухнул на сиденье рядом и закрыл глаза.

Он уснул, прежде чем удалось придумать хоть какой-то план на завтра и оценить убыток, голова его свесилась на грудь, веки налились свинцом.

Дэну снилось, что он ведет грузовик. Солнце стояло высоко над горой, пел легкий ветерок, машина шла под гору. Так-то вести совсем неплохо. Он больше не чувствовал усталости. Ему было хорошо. Он разогнал мотор, и игла спидометра подрагивала возле отметки «семьдесят». Рядом были его жена Конни и сынишка. Они улыбались, восхищаясь тем, как он управляет с машиной, малыш требовал ехать быстрее, обгоняя ветер, и грузовик словно летел над дорогой с изяществом и скоростью ласточки.

Потом внезапно сон превратился в кошмар. Руль смялся в руках, словно бумажный, грузовик сорвался с дорожного полотна и полетел в пропасть. Он проснулся, в ушах еще звенел крик Конни, сердце словно сковало льдом.

На миг ему показалось, что грузовик все еще падает, потому что мотор ревел и сама машина шла куда-то вниз, потом он понял, что грузовик просто несется вниз по склону, пронзая горящими фарами темноту. Плохо соображая со сна и после такого потрясения, он будто потянулся к тормозам, на автомате опустил ногу на педаль, но рука и нога провалились в пустоту. И тут его осенило: он же не за рулем, машину ведет девушка.

Прежде чем он сумел в полной мере осознать, что происходит, раздался еще один звук – вой полицейской сирены где-то сзади.

Он совсем проснулся, встревоженный и злой.

– Вы вообще соображаете, что творите? – закричал он на девушку. – Немедленно остановитесь! У меня груз болтается, вот-вот пропадет, и за нами гонятся копы! Вы разве не слышите? Говорю же, остановитесь!

Она не обращала на него внимания, сидя за рулем, словно каменная статуя, и выжимая педаль газа до упора. Грузовик несся быстрее и быстрее и начал опасно раскачиваться. Деревянные ящики бились друг о друга и грохотали под брезентом.

– Рехнулась? – заорал Дэн, боясь тронуть ее, а то вдруг еще свернет с дороги. – Ты нас сейчас уробишь! Стой, ненормальная!

Но она словно оглохла, и грузовик продолжал нестись сквозь дождь и ветер в темноту.

Позади выла сирена, и Дэн высунулся из окна кабины, не обращая внимания на хлещущий дождь. Позади мелькала единственная фара. Дэн догадался, что их преследует патрульный на скоростном мотоцикле. Он повернулся к девушке и закричал:

– За нами патруль! Он догоняет, от него не уйти. Да остановись же!

– Я от него оторвусь, – сказала девушка, ее высокий голос пробился сквозь рев мотора и ветра. И она засмеялась тем странным металлическим смехом, который так раздражал его.

– Не глупи, – сказал Дэн, придвигаясь ближе. – Мы просто во что-нибудь врежемся. На этом грузовике полицию не перегонишь. Давай остановись.

Дорога впереди вдруг стала шире.

«Ну, все, – подумал Дэн. – Коп проскочит мимо и развернется. Она сама себе подписала приговор. Угодит за решетку, а меня – меня не тронут. Вот же дура безответственная!»

Случилось именно так, как он подумал. Вдруг заревел мотор, ослепительно сверкнул налобный фонарь, и мимо пронесся, пригнув голову, полицейский – приземистый, широкоплечий, в черной куртке.

– Надо остановиться! – закричал Дэн. – Он встанет посреди дороги, и ты либо остановишься, либо наедешь на него.

– Значит, я на него наеду, – спокойно ответила девушка.

Дэн уставился на нее – и осознал, что она совсем не шутит.

– Спятила? – заорал он, и сердце екнуло.

Гленвью! Звон колокола, кому-то посчастливилось сбежать, странный металлический смех, «никто и ниоткуда», «я на него наеду»... Она сумасшедшая! Психованная! Полицейский гнался за ней, чтобы вернуть в Гленвью!

Дэн отодвинулся от нее с выпученными глазами, от страха ему стало дурно. Надо что-то делать. Она убьет копа, его и себя. Ей плевать на все. Если бы он только мог добраться до ключа зажигания! Но как? Если она заметит его движение и свернет с дороги? Он смотрел в окно с бьющимся сердцем, тяжело дыша. Они снова взбирались в гору. Слева был белый деревянный забор, отгораживающий обрыв над извилистой дорогой, которая осталась далеко позади. Если она свернет налево, им конец, но если направо – еще есть шанс, пусть и небольшой, что они оторвутся, прежде чем кончится горючее.

Коп начал сигналить им, чтобы они остановились. Мерцал знак: «Стойте! Полиция».

– Остановись, детка! – отчаянно закричал Дэн. – Ему не нужна ты, ему нужен я. Тебе нечего бояться.

Девушка засмеялась своим мыслям и подалась вперед, разглядывая мерцающий знак.

Дэн увидел, что полицейский сбавляет скорость. Грузовик надвигался прямо на него, он весь был в свете фар.

«Идиот! – подумал Дэн. – Знает ведь, что она чокнутая. Она же его переедет».

Он высунулся из кабины и закричал пригнувшемуся человеку впереди:

– Отойдите! Она вас размажет, идиот! Уйдите с дороги! Она вас раздавит!

Ветер сорвал слова с его губ и унес прочь. Коп ничего не слышал из-за шума мотора и ветра. Он все еще замедлял скорость, не сворачивая с середины дороги. Свет фар грузовика полоснул по нему, расстояние сократилось до каких-то двадцати футов.

Дэн резко развернулся, схватил ключ зажигания, но девушка замахнулась на него скрюченными пальцами. Ногти прорезали борозды на его щеке, и его отбросило в дальний угол кабины, а грузовик развернулся, пронесся по обочине, выровнялся и снова выскочил на дорогу. Дэн закрыл лицо руками, кровь стекала между пальцами, по коже бежали мурашки от боли и ужаса.

Потом он поднял голову – и это случилось. Коп обернулся через плечо, словно почувствовал опасность. На миг мелькнуло забрызганное грязью лицо в очках, рот раскрылся в беззвучном крике. Девушка с силой нажала на газ. Две машины словно зависли в пространстве – мотоцикл пытался увернуться, грузовик – догнать и уничтожить его. Потом грузовик со страшной силой ударил мотоцикл и подбросил высоко в воздух.

Сквозь завывания ветра Дэн расслышал крик ужаса, затем треск, когда мотоцикл ударило о скалу. Мелькнуло пламя от взрыва. Потом на дорогу тяжело рухнуло что-то темное – прямо на пути у грузовика.

– Осторожнее! – завопил он, закрывая лицо руками.

Коп пытался подняться на колени, когда грузовик наехал на него. Переднее колесо подскочило, задние заскользили на чем-то мягком. Потом впереди снова оказалась пустая дорога.

– Ты убила его! – заорал Дэн. – Сука злобная, ненормальная!

Не раздумывая, он подался вперед и схватил ключ зажигания, уворачиваясь от острых ногтей. Ему удалось повернуть ключ и ухватиться за руль. Он попытался развернуться вправо,

чтобы грузовик врезался в скалу, но девушка оказалась слишком сильной. Грузовик бешено закрутился на дороге, пока они боролись за руль.

Их лица были совсем близко. Он видел ее глаза, похожие на лампы за зеленым стеклом. Дэн выругался и замахнулся, но грузовик крутануло, и его кулак лишь задел ее.

Она со свистом втянула в себя воздух, выпустила руль и бросилась на него. Ногти прошли по его глазам, кромсая веки, ослепляя его. Горячая кровь залила лицо, он рухнул назад, отчаянно молотя пустоту, ничего не видя – сплошной кошмар боли и движения.

Девушка выскользнула из-под руля и кинулась на него, сжала руки у него на горле, длинные пальцы погрузились в плоть.

Грузовик снесло с дороги и бросило на белый деревянный забор. Фары осветили черную пустоту. Камни колотились о крылья, шины безуспешно цеплялись за гравий. Что-то захрустело, и грузовик на миг завис в воздухе, потом обрушился в темноту, в долину.

Большой грузовой «бьюик» с поблескивающим на утреннем солнце капотом легко поднимался по дороге, круто забирающей в гору.

За рулем сидел Стив Ларсон, рядом развалился его брат Рой. Об их родстве человек сторонний и не догадался бы. Стив был крупным, мускулистым, светловолосым, с добрыми глазами. Его кожа дочерна загорела под солнцем и ветром, и он казался моложе своих тридцати двух лет. На нем были вельветовые штаны и рубашка-ковбойка с закатанными рукавами.

Рой был старше, темноволосый, почти на голову ниже брата, с нервными тонкими губами и узкими темными глазами. Движения его были резкие, дерганные, словно демонстративные, как у человека, нервы которого сдают от постоянного перенапряжения. Его приличная городская одежда казалась неуместной в этой глуши.

Стив приехал на машине со своей зверофермы на Голубой горе встретить брата, прибывшего на поезде из Нью-Йорка. Братья не виделись много лет, и Стив удивился, узнав, что Рой вдруг решил навестить его. Они, в общем, никогда особо не ладили, и угрюмое приветствие Роя на вокзале ничуть Стива не удивило. Первые две мили пути братья и десятком слов не обменялись. Рой как будто нервничал и все смотрел в заднее окно, словно желая убедиться в отсутствии погони. Это начинало действовать Стиву на нервы, но он знал, как обидчив брат, и предпочел не спрашивать.

– Неплохо выглядишь, – сказал он, пытаясь завязать разговор. – Хорошо устроился в Нью-Йорке?

– Так себе, – пробурчал Рой и снова обернулся, чтобы посмотреть в заднее окно.

– Ну что ж, рад видеть тебя, столько-то лет спустя, – продолжал Стив, сам сомневаясь в своей искренности. – А что вдруг решил меня повидать?

Если у Роя что-то было на уме (а в этом Стив не сомневался), он мог бы откровенно все рассказать.

Но Рой увернулся от ответа.

– Решил немножко подышать воздухом. – Он заерзал на сиденье. – В Нью-Йорке летом слишком жарко. – Он мрачно уставился на скалистые пики, изрезавшие далекую линию горизонта. Куда бы он ни посмотрел – везде поднимались горы, одна за другой, то зазубренные, острые, то мягко-округлые, и в расщелинах ослепительно сверкал на солнце снег. – Здесь чертовски одиноко, да? – вдруг неожиданно для себя спросил он.

– Здесь великолепно, хотя после Нью-Йорка, наверно, слишком тихо. От меня до ближайшей хижины двадцать миль, и хорошо, если раз в несколько недель кто-нибудь заглянет.

– Вот и отлично, я как раз хочу расслабиться. – Рой опять принялся крутиться на сиденье и смотреть в окно. Длинная пустая дорога, вьющаяся позади, словно успокаивала его. – Да,

точно. – Он ненадолго задумался. – Но навсегда я так не хочу. Ты-то как справляешься – вот так, один? Не страшно?

– Да нет. Конечно, иногда одиноко, но у меня много работы. У меня больше сотни лис, за ними надо присматривать, да и прокормиться самому.

Рой бросил на него тяжелый любопытный взгляд:

– А с женщинами как?

Стив напрягся:

– Никак. – Он смотрел вперед – он-то знал, как Рой держит себя с женщинами.

– Ты всегда был холоднокровным. – Рой сдвинул шляпу набок. – Что, правда торчишь тут годами и женщин вообще не видишь?

– Я тут один год, и женщины меня не волнуют, – отрезал Стив.

Рой фыркнул:

– Жаль, я телок не прихватил, думал, у тебя тут и свои есть.

Впереди показалась развилка.

– Нам направо, – сказал Стив, чтобы сменить тему. – Налево будет Оуквилл – за горой, в долине. Там большое движение, все грузы из Калифорнии везут через Оуквилл. А так мы поднимаемся в горы.

– Похоже, там грузовик разбился, – вдруг сказал Рой, показывая на что-то.

Стив проследил за его пальцем и нажал на педаль тормоза, останавливая «бьюик». Он высунулся из окна и посмотрел вверх по склону холма, поднимающегося к дороге на Оуквилл, что шла парой тысяч футов выше.

Действительно – грузовик разбился. Он лежал на боку, зажатый между двумя соснами.

– Какого черта ты остановился? – недовольно спросил Рой. – Что, аварий раньше не видел?

– Видел, – сказал Стив, открывая дверцу и выскакивая на дорогу. – Даже слишком много. Потому и хочу пойти взглянуть – наверняка кто-то пострадал, а после бури его могли и не заметить.

– Добрый самаритянин в горах? – осклабился Рой. – Ладно, тоже схожу – давно пора размяться.

После непростого подъема по густой траве и камням они добрались до грузовика.

Стив забрался на борт перевернутой машины и заглянул в окно; Рой оперся о грузовик, пытаясь отдышаться, – подъем утомил его.

– Помоги-ка, Рой, – позвал Стив. – Шофер и девушка, вроде оба мертвы, но надо проверить. – Он потянулся и взял мужчину за руку – та была холодная и твердая, и Стив, поморщившись, выпустил ее. – Этот точно мертв.

– Ну я же тебе говорил. А теперь ну их, давай выбираться отсюда.

Оттуда, где он стоял, можно было отлично разглядеть дорогу на многие мили. По ней никто не ехал, она была пуста – пыльная лента, обвивающая гору. Впервые за много недель он чувствовал себя в безопасности.

Стив коснулся девушки, лежавшей поверх водителя. Ее рука была теплой.

– Эй, Рой! А она жива. Не уходи. Помоги мне ее вытащить!

Бормоча себе под нос, Рой забрался в кабину и перегнулся через плечо Стива.

– Ну хорошо, только быстрее, – сказал он, косясь на горную дорогу. – Не хватало еще весь день тут проторчать.

Стив осторожно поднял девушку и передал ее Рою. Едва положив ее на бок кабины, Рой бросил взгляд на погибшего шофера.

– Ничего себе! Только взгляни на лицо этого парня.

– Как будто его кошка разодрала, беднягу, – сказал Стив, поспешно выбираясь из кабины.

Рой поднял руку девушки:

– Вот она, кошка. Кровь и ошметки кожи под ногтями. Знаешь, что было? Водила к ней наверняка пристал, и она его порвала. Выцарапала ему глаза, и он съехал с дороги. – Он рассмотрел девушку. – А ничего штучка, скажи? Спорим, бедолага решил, что подцепил шлюшку. Нет, ну какая красotka! Я не стал бы даже винить парня за попытку.

– Давай спустим ее вниз, – коротко сказал Стив, и они перенесли девушку на густую траву. Стив опустился рядом с ней на колени, Рой отошел и просто смотрел. – У нее страшная рана на затылке, – сказал Стив. – С этим нужно немедленно что-то делать.

– Да забудь, – внезапно со злобой буркнул Рой. – Брось ты ее. Ничего с ней не станется. Шлюха, которая путается с дальнобойщиками, не пропадет. А мы с ней хлопот не оберемся. Найдет ее какой-нибудь водила, еще и обрадуется.

Стив уставился на него:

– Мы ни в коем случае не оставим ее здесь. Девушка серьезно ранена.

– Ну так оттащи ее к дороге и брось там. Кто-нибудь да подвернется. – Бледное лицо Роя передернуло. – Не хочу влезать в это дело.

– Ей нужна медицинская помощь, – мирно сказал Стив. – Отсюда до моей фермы нет места, где ее можно было бы оставить. Значит, заберу ее домой и съезжу за доктором Флемингом. Что-то имеешь против?

Лицо Роя исказила с трудом сдерживаемая ярость.

– Меня не надуешь. Ты, деревенщина, слишком долго проторчал в горах, стоит увидеть мало-мальски смазливую девицу, и все – крышу снесло.

Стив вскочил. На миг показалось, что он вот-вот ударит брата, но ему удалось подавить гнев. Он криво усмехнулся:

– А ты не изменился. И ты не выведешь меня из себя, я не брошу ее! Пора повзрослеть, а ты все еще как школьник.

Он отвернулся и склонился над девушкой. Пока он двигал ее руками и ногами, чтобы убедиться в отсутствии переломов, она пошевелилась.

– Да хватит уже лапать просто так, – осклабился Рой, – хоть раздень ее!

Стив не обратил на него внимания, хотя шея его покраснела. Он прощупал пульс девушки. Тот бился слишком часто под его пальцами, кожа – горячая, как при лихорадке.

– Оставь ее, Стив, не то еще пожалеешь.

– Да заткнись ты! – рявкнул Стив и поднял девушку.

– Ладно, но не говори потом, что я не предупреждал. – Рой пожал плечами с деланным безразличием. – Чует мое сердце, она еще обеспечит тебе неприятности... Хотя мне-то что? Это ж твоя головная боль.

Стив прошел мимо него и начал медленно, осторожно спускаться к фургону.

Ферма «Серебристая лиса» располагалась в окружении горных пиков на Голубой горе, на высоте восемь тысяч футов над уровнем моря. К ней от шоссе вела грунтовая дорога, которая еще четыре-пять миль вилась среди булыжников и сосен до вытянутого в длину дома Стива на берегу озера, в водах которого в изобилии водилась горная форель.

Год назад Стив решил бросить работу страхового агента и заняться разведением лис. Он накопил денег, нашел это место, купил участок земли и переехал. Ферма еще только вставала на ноги, но Стив надеялся, что вскоре сможет нанять помощников. Труднее всего он переживал полную изолированность этого места: здесь целыми днями не с кем было поговорить, разве что с собакой.

Казалось бы, приезд Роя мог поправить дело, но Стив быстро понял, что от Роя будет больше хлопот, чем толку, и уже начал сожалеть, что тот вообще явился.

Рой кисло воззрился на жилище брата и молча поплелся к озеру, предоставив Стиву самому отнести бесчувственную девушку в дом.

Но едва Стив исчез из виду, Рой побежал обратно к «бьюику». Он тревожно заглянул в кабину, поднял капот и открутил головку блока цилиндров, положил ее в карман и оборвал провода. Опустив капот, он направился на широкую веранду.

Он услышал где-то в доме шаги брата, проскользнул в большую гостиную, одним взглядом оценил незатейливый уют жилища, подошел к стойке с ружьями, снабженной железным засовом и замком, позволявшим надежно фиксировать оружие. Рой запер засов и убрал ключ в карман.

Почти тут же вошел Стив.

– Уложил красотку? – глумливо осведомился Рой.

– Хватит уже, – буркнул Стив. – Мне это не нравится, Рой, так что, будь любезен, прекрати.

Рой оглядел его с ухмылкой:

– Плохо дело.

Стив достал сигарету и закурил.

– Не знаю, что с тобой, но ты странно себя ведешь всю дорогу.

– И это тоже плохо, – сказал Рой.

Стив пожал плечами:

– Поеду за доком Флемингом, думаю, это займет часа два. Посмотри за ней, ладно? У нее явно сотрясение мозга, но до моего возвращения должна продержаться.

– Вот уж повезло, – осклабился Рой. – А мне что прикажешь делать – держать ее за руку и обмахивать шляпой?

– Хватит, Рой, – сказал Стив, с трудом сдерживаясь. – Попрошу дока приехать на своей машине, и отправим ее отсюда. Но пока она тут, ты мог бы хоть немного помочь.

– А то. Давай-давай, поезжай, я ее развлеку. Девушки меня любят.

Стив сурово посмотрел на него и вышел.

Рой понаблюдал, как брат садится в кабину и пытается завести мотор, и усмехнулся.

Он все еще стоял в дверях, когда по лестнице взбежал злой, разгоряченный Стив.

– Что-то сделал с фургоном? – рявкнул он, стеной вставая перед братом.

– Есть такое. Дальше что?

Стив взял себя в руки:

– Скрутил головку блока цилиндров. Лучше отдай по-хорошему.

– Ну уж нет. Говорил, не лезь во все это, – но нет, ты ее сюда на руках припер. Пока я здесь, сюда никто не войдет – и никто отсюда не выйдет, пока я не разрешу.

Стив сжал кулаки:

– Слушай, Рой, не знаю, что там у тебя на уме, но так не пойдет. Отдай немедленно, или сам забери. Не хочу ссориться, но – кончай дурить!

– Вот как? – Рой шагнул назад. – А вот на это что скажешь? – У него в руке вдруг появился пистолет: уродливый тупорылый тридцать восьмой. – Ну как, все по-твоему?

Он упер ствол в грудь брата.

Стив сжал губы и отступил:

– Рехнулся? Убери пистолет.

– Пора бы тебе поумнеть, – сказал Рой тихо, но угрожающим тоном. – Значит, так: пристрелить тебя мне будет не сложнее, чем жука раздавить. Брат, не брат – плевать, очередной тупой придурок. Одно лишнее движение – и словишь пулю. – Он подался назад и прислонился к перилам веранды, держа пистолет в опущенной руке. – Пора бы тебе сообразить – я в бегах, вот почему я здесь. В такой глухомани лучше всего прятаться. Никому не придет в голову искать меня здесь. И никакой док Флеминг не явится сюда, не хватало еще, чтобы он рассказал своим гребаным пациентам, что видел меня. Вот так вот – привыкай. Вы с девицей останетесь

здесь, пока я не буду готов отбыть. И без фокусов! Я с этой штукой ловко управляюсь – ребята посерьезнее тебя узнали на собственном опыте.

Стив оправился от изумления, но все еще не мог поверить, что его брат говорит всерьез.

– Но это безумие, Рой, нужно привезти врача к девушке. Хватит уже, отдай деталь и дай мне уехать.

– Говорю же – дурак, – оскалился Рой. – Слушай: я работал на банду Малыша Берни. Это имя тебе хоть о чем-то говорит?

Стив читал о Малыше Берни – тот был кем-то вроде современного Джонни Диллинджера.

– Не понял. Малыш Берни, вообще-то, убийца, его полиция разыскивает.

Рой засмеялся:

– Весь последний год я грабил банки, скопил денег. Я таскал за Берни пушку, за такое хорошо платят.

– Вот оно что, – произнес Стив с отвращением. – Надо было мне догадаться, что ты бандит. Ты всегда был слабым и неумным, Рой.

Рой засунул пистолет в кобуру.

– Однако же все неплохо. Сейчас, конечно, у меня проблемы, но это ненадолго, а потом я буду тратить свои деньги. Не то что ты, придурок: похоронил себя в глуши со своими лисами. Я-то знаю, как жить!

Стив медленно двинулся на него.

– Отдай пистолет по-хорошему, – тихо сказал он.

Рой усмехнулся, рука его метнулась к кобуре, и мелькнула вспышка. Громкий треск выстрела разнесся над озером. Что-то прожужжало мимо уха Стива.

– Следующую легко всажу в твой толстый череп, если вздумаешь шутки шутить. Я тебя предупредил.

Он развернулся, прошел в гостиную и уселся в кресло.

Стив стоял на солнце, не зная, что предпринять. Теперь он понял, что Рой говорил абсолютно серьезно, но беспокоился не за себя, а за девушку, лежавшую без сознания на его кровати. Если дока Флеминга привезти невозможно, надо сделать для нее хоть что-нибудь; Стив, к счастью, держал дома аптечку и умел оказывать первую помощь.

Когда он проходил мимо гостиной, Рой сказал, растягивая слова:

– И ружья твои я запер. Теперь стрелять здесь буду только я.

Стив проигнорировал его и направился в спальню, где лежала девушка. Он осмотрел рану у нее на затылке, потом принес аптечку, таз с водой и полотенца.

Он как раз фиксировал повязку, когда девушка едва слышно вздохнула и открыла глаза.

– Здравствуйте, – сказал он с улыбкой. – Вам лучше?

Она внимательно посмотрела на него, рука потянулась к голове.

– Голова болит. Что случилось? Где я?

– Я нашел вас на горной дороге. Вы попали в аварию на грузовике. Для беспокойства нет причин, у вас на голове порез, но это не опасно.

– Грузовик? – пробормотала она, глядя невидящими глазами. – Какой грузовик? Я не помню... – Вдруг она попыталась сесть, но Стив мягко удержал ее. – Я ничего не помню. Что-то случилось с моей головой!

– Ничего страшного, – сказал Стив. – Все пройдет. Просто попробуйте поспать, а потом будет намного легче.

– Но я не знаю, что со мной! – воскликнула девушка, хватая его за руку. – Мне страшно, я не знаю, кто я.

– Все пройдет – просто расслабьтесь и не беспокойтесь. Когда проснетесь, вы все вспомните и все будет в порядке.

Она закрыла глаза.

– Вы добрый, – тихо сказала она. – Побудьте со мной. Пожалуйста, не уходите.

– Я буду здесь, – сказал Стив. – Не надо волноваться.

Она полежала немного, потом снова обмякла и провалилась в беспмятство.

В другой комнате Рой сидел в кресле с задумчивым лицом. Если бы не девица, он остался бы здесь, держа брата в неведении, но теперь уж нужно быть настороже. Стив парень крепкий, если подловит момент – шансы у Роя будут близки к нулю. Внезапное движение в дверях заставило его подскочить, рука метнулась к оружию. Вошел большой беспородный пес, виляя хвостом.

– Вот псина, – сказал Рой, глуповато улыбаясь, – напугал меня.

Он нетерпеливо оттолкнул собаку ногой, и та лениво побрела по коридору в поисках хозяина.

Когда пес вошел в комнату, Стив пытался разрешить очередную задачу. Он решил, что не дело оставлять девушку лежать в одежде, но не решался ее раздеть. Впрочем, что еще оставалось? Ближайшая женщина жила за горой, в тридцати милях отсюда, и он в любом случае не смог бы ее привезти.

Появление собаки немного успокоило его.

– Привет, Пятнаш, ты вовремя.

Но собака заскулила, попяtilась, ощерилась.

– Да что с тобой, дурачок? – удивился Стив.

Собака смотрела на девушку на кровати и медленно пятилась из комнаты, потом, поскуливая, опротясь бросилась на улицу.

«Что-то все мы тут разнервничались», – подумал Стив, прошел к комоду и отыскал свою лучшую пижаму, белую, шелковую. Он подрезал рукава и штанины, подвернул и закрепил края, приложил к спящей девушке и остался доволен результатом.

«Ну вот», – подумал он и понадеялся, что пока она не придет в себя. Он начал расстегивать крючки на ее платье. В одном рукаве нашелся платок с вышитым на уголке именем – Кэрл. Он покрутил платок в руках. Кэрл. А фамилия какая? Кто она? Откуда? Может быть такое, что она потеряла память и не знает, что с ней случилось? Не знает, кто она такая? Он посмотрел на нее. Такая красавица, сложно поверить, что она из тех, кто тормозит грузовики на трассе, – тут явно кроется какая-то тайна.

Он снял с нее туфли, потом осторожно ее приподнял и стянул платье через голову. Под платьем на ней была сшитая по фигуре облегающая сорочка, и он видел красивые линии ее тела, словно она была совсем раздета.

На миг он залюбовался, горло перехватило – красота и беспомощность девушки наполнили его состраданием и изумлением. Он больше не стеснялся, потому что смотрел на нее скорее как на произведение искусства, чем как на живую женщину.

Он не слышал, как вошел Рой, и не знал, что тот тоже внимательно разглядывает лежащую на кровати полуобнаженную красавицу.

Стив приподнял ее, чтобы надеть на нее пижамную куртку.

– Не торопись, – сказал Рой. – Хочу еще посмотреть. Нет, ну надо же – даже лучше, чем я думал!

Стив опустил девушку и обернулся.

– Пошел вон! – с яростью воскликнул он.

– Тише, не горячись, – ухмыльнулся Рой, не сводя глаз с девушки. – Тебе что, достанется все удовольствие? Дай-ка помогу, это по моей части.

Стив двинулся на брата, сверкая глазами:

– Вон отсюда, и не смей к ней соваться!

Рой поколебался, потом пожал плечами.

– Ладно-ладно, – сказал он, смеясь. – Пока не поправилась – она твоя, а потом придет и мой черед. Я умею обращаться с женщинами. Мне-то она глаза не выцарапает. Я знаю, как укрощать диких кошек вроде нее. Вот увидишь, и тебе меня будет не остановить, олух ты здоровенный. Я с ней еще как позабавлюсь.

Все еще улыбаясь, он медленно прошел по коридору на веранду.

Глава вторая

Прошла неделя.

Стиву она далась нелегко: пришлось и заниматься фермой, и готовить еду, и выхаживать Кэрол. Рой даже не пытался ему помочь и по большей части сидел на высокой скале над дорогой и упорно разглядывал пустую долину.

Стив догадывался, что брат боится кого-то или чего-то, и считал, что страх и нервозность отчасти объясняют его ужасное настроение. Этот вывод, судя по всему, был верным: когда без каких-либо происшествий прошло три дня, Рой стал менее нервным и враждебным и наконец прекратил следить за дорогой. К концу недели он вел себя почти дружелюбно – ну, насколько это было возможно для такого циничного эгоиста, как он. Но Рой по-прежнему запрещал Стиву покидать Голубую гору, пока он там, и Стиву пришлось с этим смириться.

Комнату хозяина дома теперь занимала Кэрол, оба брата переместились во вторую спальню, и у Стива появились новые доказательства того, что Рою не по себе. Тот почти не спал и ночь напролет ворочался, а когда все же отключался, то просыпался от малейшего шороха.

Кэрол же быстро поправлялась. Первые два дня своего пребывания в доме она чувствовала себя очень скверно, и Стив не отходил от нее. Но потом лихорадка прошла, рана начала затягиваться, и силы ее быстро восстанавливались.

Впрочем, память к ней так и не вернулась. Она не помнила, что с ней случилось, не помнила ни Гленвью, ни то, кто она такая. Она по-детски безоглядно доверяла Стиву, и со временем условности, принятые в общении мужчин и женщин, отошли в сторону из-за ее беспомощности, сменившись странными, близкими отношениями, которые озадачивали Стива и пробуждали в Кэрол глубокую привязанность к нему, которая постепенно переросла в любовь.

Стив всегда был застенчив с женщинами. Пока Кэрол болела, он относился к ней как к сестре (притом что родных сестер у него не было) и разрешал ее проблемы, не испытывая никаких эмоций, разве что порой – неловкость. Но когда она начала выздоравливать и так явно давала понять, что влюблена в него, он не знал, что и делать.

Когда Кэрол встала с постели, она принялась беспомощно следовать за Стивом повсюду и не знала покоя, если он был не с ней. Теперь вся ее жизнь вращалась вокруг него.

Не зная, что творится у нее в голове, Стив предположил, что травма не только стерла ее память, но и каким-то непостижимым образом лишила ее взрослой сдержанности, наделила сознанием ребенка. Он убеждал себя, что ни в коем случае нельзя отвечать на ее любовь и тем более воспользоваться этим, и всячески сдерживал свои чувства, считая, что любовь эта – всего лишь странная причуда ее сознания, которая исчезнет, как только к девушке вернется память.

С другой стороны, Рой быстро сообразил, что Кэрол может стать легкой добычей, и мысль эта не выходила у него из головы. Сама Кэрол не обращала на него внимания, поскольку была постоянно сосредоточена на Стиве, но Рой был уверен, что при возможности заставит ее уступить.

Однажды утром, прогуливаясь у озера, он увидел, как она спускается по тропе меж сосен. Стив был занят в доме, его не было видно, и, пользуясь случаем, Рой преградил ей дорогу.

– Привет, – сказал он, окидывая ее взглядом. Она словно сияла в бледных лучах солнца, и красота ее заставила кровь в его жилах течь быстрее. – Где ты была?

– Кормила лис. – Ее голос звучал абсолютно буднично. – Я ищу Стива. Отойди, ты мешаешь мне пройти.

– Но я хочу с тобой поговорить, – сказал Рой, придвигаясь ближе. – Пора нам узнать друг друга получше.

– Я ищу Стива, – повторила она, пытаясь обойти его, но он ей помешал.

– Да ну его. Ну же, будь хорошей девочкой. Ты мне нравишься. Я многое могу сделать для тебя.

Он схватил ее и притянул ближе. Она не сопротивлялась и не выказывала интереса, взгляд ее все еще был устремлен в сторону дома. Он обнял ее, прижал к себе, чувствуя лицом ее мягкие волосы. Это было все равно что обнимать манекен, но Рой не обращал внимания на ее апатию. Он уже три недели обходился без женщины, и это было долго для него, поэтому ему не было дела до чувств Кэрол, коль скоро она в его руках и не сопротивляется.

– Пожалуйста, отпусти, – серьезно сказала Кэрол. – Я хочу найти Стива.

– Он никуда не убежит, – глухо сказал Рой, повернул ее к себе и заглянул в ее ничего не выражающие глаза, прижался к ее губам своими. Губы у нее были твердые и плотно сжатые, руки безжизненно свисали. Она не сопротивлялась и не подчинялась.

Кровь билась у него в висках, руки блуждали по ее телу, и он запрокинул ее назад, держа в объятиях.

Потом его внезапно развернули, и, с ругательством выпустив Кэрол, он увидел искаженное яростью лицо Стива. Прежде чем он успел схватиться за пистолет, Стив ударил его кулаком в челюсть, и оглушенный Рой тяжело рухнул на сосновую хвою.

– Еще раз попробуешь – шею сломаю, – ровным тоном сказал Стив, обхватил Кэрол за талию и отвел в сторону. – Давай, пойдем домой.

– Почему ты его ударил? – спросила Кэрол, послушно шагая рядом с ним. – Я была не против.

– Я не хотел, чтобы он напугал тебя.

Стив бросил на нее быстрый озадаченный взгляд.

– Я и не испугалась. Но он мне не нравится. Если не хочешь, чтобы он со мной такое делал, я не позволю. Я не знала, что тебе это важно.

– Нет, – сказал Стив, ошарашенный ее словами, – я не хочу, чтобы он снова делал с тобой такое.

Рой смотрел, как они уходят, потом медленно поднялся на ноги. Его так взбудоражило то, что Кэрол не сопротивлялась, он даже почти забыл, что Стив его ударил. Он ее поцеловал! Легко, все равно что отнять конфетку у ребенка. Если бы Стив не влез... она такая легкая добыча!

Той ночью, когда Рой уже лег, Стив пришел в спальню, предварительно заперев дом. Рой весь день старался не попадаться ему на глаза, но сейчас, вновь оказавшись лицом к лицу с братом, решил перехватить инициативу, не дожидаясь брани.

– Следи за кулаками, деревенщина, – сказал он, нахмурившись. – Как бы не пришлось свинец из брюха вытаскивать.

– Тогда и ты следи за руками, – сказал Стив, присев на край кровати. – Ты что, не видишь, что она не в себе? Повредила голову при ударе и теперь совсем как ребенок. Держись от нее подальше, Рой. Нельзя приставать к девушке в таком состоянии.

– Да ладно, – осклабился Рой. – В темноте все кошки серые, нормальные они или нет. Для меня она просто женщина, а женщин я люблю.

Стив помрачнел:

– Прекрати напрашиваться!

– И не надейся. Кто помешает мне тебя прикончить? Пройдет не один месяц, прежде чем тебя найдут, а я к тому моменту буду уже далеко. Берегись, тут я могу делать все, что вздумается, и чем скорее ты это поймешь, тем лучше.

Стив скинул ботинки и начал раздеваться.

– Я тебе сказал – не трогай Кэрол!

– Я ей нравлюсь. Она дала мне себя поцеловать, разве нет? Уж тут меня трудно обмануть. Если бы ты не влез, мы бы отлично поладили.

– Больше повторять не стану, – тихо сказал Стив. – Если придется тебя прибить – так и сделаю, и на пистолет не погляжу.

Они долго смотрели друг на друга. Рой первым отвел глаза.

– Ты все-таки ненормальный, – сказал он и отвернулся к стенке.

Стив тоже лег.

– Чего ты боишься? – вдруг спросил он. – Кто за тобой гонится?

Рой резко развернулся и приподнялся:

– Заткнись. Никого я не боюсь.

– Боишься. Дергаешься, как рыба на сковородке. От кого ты бежишь – от полиции?

Рой поднял уродливый тупорылый пистолет.

– Если не закроешь рот, проделаю в тебе дыру, – проворчал он, побледнев. – И что это я раньше тебя не прибил...

– Потому что боишься остаться один, – тихо сказал Стив. – Хочешь, чтобы я прикрыл тебя, когда случится то, чего ты ждешь.

Рой откинулся на подушку и убрал пистолет.

– Ты рехнулся, – сказал он и выключил свет. – Сам не знаешь, о чем говоришь. Я спать хочу.

Но он не уснул. Он пролежал без сна несколько часов, прислушиваясь к тяжелому дыханию Стива и глядя в открытое окно на залитые лунным светом большие сосны.

Ночь была тихая, в деревьях шуршал ветерок, у пристани мягко плескалась вода.

Рой думал о Кэрол, о том, нельзя ли выйти из комнаты, не разбудив брата. Если он сможет войти в комнату Кэрол, остальное не составит труда – в этом он был уверен. Мысль о том, чтобы снова сжать Кэрол в объятиях, вдруг пробудила в нем жажду действий. Он привстал, глядя на Стива. И тут его внимание привлекло какое-то движение на улице. Желание покинуло его, и он сел с бешено бьющимся сердцем.

За окном мелькнула тень – бесшумно скользящая тень, которая появилась и исчезла, он едва успел заметить ее.

Страх объял его, и он замер в постели, глядя на окно.

На веранде послышались легкие шаги, один, потом другой. Скрипнула половица. Звук раздался ближе.

Рой с силой затряс Стива.

Стив тут же проснулся и сел, чувствуя, как в его предплечье судорожно впились пальцы Роя. Он посмотрел в побелевшее лицо брата и сразу понял: что-то произошло.

– Да что такое? – шепотом спросил он.

– Снаружи кто-то есть. – Голос Роя дрожал. – Послушай.

Где-то у озера тоскливо завыл Пятнаш.

Стив спустил ноги с кровати и помедлил – за окном снова мелькнула тень. Он подался вперед.

– Это Кэрол. Не психуй, дурень.

Рой выдохнул сквозь сжатые зубы:

– Кэрол? Что ей там делать? Ты уверен?

– Я ее вижу, – сказал Стив и прокрался к окну.

После минутных колебаний Рой присоединился к нему. Кэрол ходила взад-вперед по веранде в ушитой пижаме Стива, босиком.

– А, чтоб ее, – тихо сказал Рой. – Напугала до смерти. Что она делает?

– Тише, – прошептал Стив. – Может, она во сне ходит.

Рой хмыкнул. Теперь, придя в себя от испуга, он рассматривал босую Кэрол, в белой шелковой пижаме, с рассыпавшимися по плечам рыжими волосами, и кровь его воспламенилась.

– Красотка, правда? – не удержался он. – Какая фигурка!

Стив нетерпеливо дернулся. Он был озадачен этим хождением туда-сюда.

Вдруг Кэрол остановилась, посмотрела в их сторону, словно почувствовав, что за ней наблюдают. Лунный свет упал ей прямо на лицо, и оба мужчины с удивлением заметили, как изменилось выражение ее лица. Мускулы напряглись, черты лица исказились, в ней появилось сходство с хитрым животным. Правый уголок рта дергался от нервного тика, глаза словно остекленели. Стив едва узнавал ее.

Пятнаш грустно завыл в конуре по другую сторону двора, и Кэрол быстро обернулась на звук. Она двигалась быстро и легко, как дикая кошка, – и казалась такой же опасной. Потом, когда пес снова завыл, она исчезла в открытом окне своей комнаты.

– И как, черт побери, это понимать? – озаботился Рой. – Видел, какой у нее взгляд? Какое выражение лица?

– Да. – Стив тоже не скрывал тревоги. – Я бы предпочел выяснить, что она там делает.

– Поосторожнее, не то глаза выцарапает, – неловко хохотнул Рой. – Она сейчас выглядела так, будто на все способна.

Стив натянул халат, взял фонарик и отправился по коридору к комнате Кэрол. Он тихонько открыл дверь.

Кэрол лежала в постели с закрытыми глазами, лицо ее было залито лунным светом. Она казалась прекрасной и спокойной, как всегда, и, когда Стив окликнул ее, она не пошевелилась.

Он немного постоял, любуясь ею, потом тихо прикрыл дверь и вернулся к себе.

Той ночью он спал так же скверно, как и Рой.

Сэм Гарланд и Джо мыли машину «скорой помощи» в гараже на задворках психиатрической клиники Гленвью.

– Не оборачивайся, – сказал Сэм, орудуя тряпкой, – «акулы пера» все ближе.

Джо обнажил в ухмылке два золотых зуба:

– Мне он нравится. Настырный. Думаешь, мы можем нашептать ему кое-что за пару монет?

– А это мысль, – отозвался Сэм, выпрямляясь и любуясь блестящими хромированными фарами.

Фил Магарт, худой, высокий, небрежно одетый, неспешно приближался к ним. Последнюю неделю он то и дело появлялся и пытался узнать хоть что-то ценное о сбежавшей из больницы пациентке, но ничего не добился, кроме совершенно бесполезного сообщения доктора Траверса и резкого «вон отсюда» – от шерифа Кампа.

Магарт, местный репортер и специальный корреспондент нескольких газет Среднего Запада, обладал редким чутьем на новости и был уверен, что, если покопаться, за этим побегом обнаружится целая история. Он без особого успеха перепробовал все прочие источники информации и теперь решил попытаться счастья у Гарланда и Джо.

– Привет, ребята, – сказал он, опираясь на капот машины. – Не слышали, ту сумасшедшую не нашли?

– Что толку спрашивать у нас? – сказал Гарланд, снова берясь за тряпку. – Мы просто бедные наемные работники, да, Джо?

– Именно, – сказал Джо и подмигнул Магарту.

– Я считал, ребята, что уж вы-то точно что-нибудь знаете, – сказал Магарт, красноречиво позвякивая мелочью в кармане. – Ну, например, кто та дамочка. Мои текущие расходы уже давно никуда не текут, если вам это, конечно, интересно.

Безразличное выражение тут же исчезло с лиц Гарланда и Джо.

– И жирно может накапать? – осторожно спросил Гарланд.

– Ну, не то чтобы уж жирно, но все же. Если что-то знаете, не стесняйтесь, поделитесь со мной.

– Нет, – отозвался Гарланд, осторожно оглядываясь. – А за сто баксов еще можно было бы, верно, Джо?

– Пожалуй, – сказал Джо, потирая руки. – За сотню – каждому.

Магарт поморщился:

– Тогда, наверное, стоит обратиться к блондинистой сестричке. Такие круги под глазами... Сразу видно, что за двести баксов она выдаст не только информацию, но и себя в придачу.

Гарланд сник:

– Он прав, Джо.

Джо с самым серьезным видом возразил:

– Но и вы уже не останетесь прежним. Я пытался. Все равно что сражаться с капканом. На медведя.

– А мне как раз нравится так, – не сдался Магарт. – Справиться с энергичной женщиной – нет проблем, с тех пор еще, как я пешком под стол ходил. Не переживай за меня. – Он сдвинул шляпу на нос и покосился на Гарланда. – Разумеется, если вам нужна сотня баксов, можем договориться – такой уж я самоотверженный.

Гарланд и Джо переглянулись.

– Ладно, – сказал Джо. – По рукам.

– За такие деньги и информация должна быть ценной, – напомнил Магарт.

– Да что там ценной – сенсация! – сказал Гарланд. – Передовица, шестидюймовые буквы!

– Больше, чем Пёрл-Харбор, – подтвердил Джо.

– Больше, чем атомная бомба. – Гарланду не хотелось, чтобы его переплюнули.

Магарт достал пачку банкнот и отсчитал пять двадцаток.

– Итак, партер полон! Исполните же ваш дуэт, – сказал он, помахивая купюрами. – Ну же!

– Наследница Джона Блэндиша, – сказал Сэм, хватая деньги. – Как вам такое?

Магарт шагнул вперед:

– В смысле? – В голосе его появилась хрипотца. – Что за бред?

– Что слышали. Знаете такого Джона Блэндиша? Ну вот, у него была дочка, ее похитили...

На следующее утро Стив и Кэрол завтракали только вдвоем. Рой рано ушел на рыбалку.

– Хорошо спала? – спросил Стив небрежно, наливая кофе.

– Я видела сны. Я всегда вижу сны.

– Но ты не вставала среди ночи? – Стив улыбнулся. – Мне показалось, что кто-то ходит по дому. Может, тоже приснилось.

– Нет-нет, – сказала она, касаясь висков тонкими пальцами. – Но что-то и правда случилось. Я не помню. Я ничего не помню. Мне страшно. – Она потянулась через стол и взяла его за руку. – Не знаю, что бы я делала без тебя. С тобой мне так спокойно.

Стив смущенно улыбнулся и похлопал ее по руке:

– Все будет хорошо. Что ты видишь во сне, Кэрол?

– Толком не могу сказать, но, похоже, это все время один и тот же сон. Там есть медсестра. Не знаю, что она делает, но всегда одна и та же медсестра. У нее ужасный взгляд, и она стоит надо мной. Во сне мне так страшно, я просыпаюсь – и мне опять страшно, сердце бьется, я боюсь темноты.

Весь день, до самого вечера, когда уже затемно вернулся Рой, Стива не покидало беспокойство за нее. Рой до самой ночи был угрюм и тих и при этом не спускал глаз с Кэрол. Когда

Стив пришел в спальню, он уже лежал и как будто спал. Стив взглянул на него, пожал плечами и тоже забрался в постель. Он устал от выходов брата и страшно хотел избавиться от него.

Ночью Рой сел, тихо позвал и, когда Стив не ответил, осторожно откинул одеяло. Его трясло от волнения и вожделения. Весь день он думал о Кэрол, заводился и вот решил ночью, когда Стив уснет, пойти к ней. Она позволила себя поцеловать и ничуть не была против. Значит, главное – покинуть комнату, не разбудив Стива, тогда все будет просто. Он тихо выскользнул из постели.

Стив пошевелился во сне, и Рой замер, готовый при необходимости снова лечь, но Стив не проснулся. Рой потихоньку вышел из комнаты, закрыл дверь и прислушался.

Комната Кэрол находилась в конце коридора. Было тихо – только ветер шуршал в деревьях и озерная вода билась о причал.

Рой прокрался по коридору, послушал у двери Кэрол, ничего не услышал, повернул ручку и вошел.

Он видел, что она лежала в кровати, руки поверх одеяла, волосы – словно рыжий нимб на подушке. В лунных лучах она была прекрасна. Когда он вошел, она открыла глаза. Она не выглядела встревоженной. Глаза ее были широко раскрыты, но взгляд их спокоен.

– Привет, детка, – сказал Рой. Язык словно распух и мешался во рту, а кожа горела. – Решил навестить тебя.

Она ничего не ответила, только смотрела через всю комнату прямо ему в глаза.

– Ты же не боишься меня, правда?

Ее красота заставляла его трепетать.

– Нет, – тихо сказала она. – Я и думала, что ты придешь. Ты мне снился.

Рой оторопел.

– То есть ты хотела, чтобы я пришел?

Он присел на край ее кровати.

Она серьезно посмотрела на него:

– Я чувствовала твой взгляд на себе весь вечер. Куда бы я ни шла, ты смотрел на меня. Я знала, что ты придешь сегодня.

Рой ухмыльнулся:

– И я весь день думал о тебе. – Он накрыл ее руку своей. Ее ладонь была теплая и вялая, ни малейшего сопротивления. – Я хотел снова поцеловать тебя.

– Стив не хочет, чтобы ты это делал.

– Стив не узнает. Он спит. Тебе же понравилось, правда?

Его лицо было совсем рядом с ее лицом, его рука коснулась ее груди. Она не отпрянула, лишь смотрела на него с отсутствующим видом.

– Давай, расстегни это. – Он коснулся пуговиц на шелковой пижамной куртке. – Ну же. Я не обижу тебя.

К его изумлению, девушка машинально расстегнула куртку, и он коснулся ее обнаженной кожи.

– Ты прекрасна, детка, – сказал он, сам не зная, что говорит. – Прекрасна.

Он накрыл ее груди руками.

Ее глаза, казалось, остекленели, и она словно не слышала его слов.

Он обхватил ее и приподнял – и вдруг она засмеялась поразившим его тихим металлическим смехом.

– Что смешного-то? – сердито спросил он и впился ей в губы голодным поцелуем.

Мгновение она неподвижно лежала в его объятиях, потом руки ее, словно стальные ленты, обхватили его шею и крепко сжали, зубы вонзились в его губы.

В другой комнате внезапно проснулся Стив. Только что спал – и вдруг пробудился, сел, огляделся с озадаченным видом.

«Что это меня разбудило?» – подумал он, глядя на кровать Роя, стоявшую в самой темной части комнаты. Ему казалось, что брат там. Он посмотрел в окно. Кэрол опять на улице? Поэтому он так внезапно проснулся?

Он встал и подошел к окну. На веранде никого не было. Он увидел Пятнаша внизу у сарая. Собака смотрела на дом, но не издавала ни звука.

Стив покачал головой, зевнул и вернулся в постель.

«Должно быть, приснилось», – подумал он, но что-то заставило его подойти к кровати Роя. Та была пуста. Он тут же подумал о Кэрол и бросился к двери.

И тут раздался исполненный муки вопль. На миг воцарилась тишина, потом Рой прохрипел сквозь слезы:

– Стив! Быстрее! Помоги мне!

От голоса брата у Стива волосы на затылке встали дыбом, он распахнул дверь и шагнул в коридор.

Рой шел ему навстречу, согнувшись пополам, закрывая руками лицо. Между его пальцами стекала на пол кровь.

– Что случилось? – Стив замер.

– Мои глаза! – вскрипнул Рой. – Она ослепила меня! Помоги! Бога ради, сделай хоть что-нибудь!

Стив подхватил его.

– Что ты с ней сделал? – закричал он и, оттолкнув стонущего брата, вбежал в комнату Кэрол. Там никого не было. Он подбежал к окну и резко остановился.

Кэрол стояла на верхней ступеньке веранды и смотрела на него. Она была раздета до пояса, и глаза ее блестели при свете луны, как у дикой кошки.

Он замер. Ему прежде не приходилось видеть столь дикое и прекрасное создание. Ее рыжие волосы, в лунном свете отливающие бронзой, белая атласная кожа, холодная, на фоне темных теней от дома, изгиб груди, опасная напряженность в позе, как у дикой кошки, то, как она держала перед собой руки – словно у нее не пальцы, а когти, – все это поражало и странным образом будоражило его.

Потом она развернулась и побежала вниз по ступеням и через двор.

– Кэрол! – закричал Стив, подаваясь вперед. – Кэрол, вернись!

Но она уже исчезла среди сосен, двигаясь с невообразимой быстротой.

Не зная, что и делать, Стив стоял, пока стоны брата не заставили его вернуться в коридор.

– Соберись, – сказал он нетерпеливо. – Не верю, что ты так уж сильно пострадал.

– Она ослепила меня, идиот! – завопил Рой, убирая руки от глаз.

Стив отшатнулся, ему стало худо.

Глаза Роя были залиты кровью. Борозды от ногтей шли через лоб, по векам и щекам. Он был на грани обморока и, стая и дрожа, привалился к стене.

– Спаси мои глаза! – умолял он. – Не дай мне ослепнуть. Не бросай меня, Стив. Она вернется. Она чокнутая... убийца... Посмотри, что она со мной сделала.

Стив подхватил его и потащил в спальню.

– Прекрати, – коротко сказал он, укладывая пострадавшего на кровать. – Все поправимо. Просто успокойся.

Он сбегал за аптечкой, захватил с плиты чайник.

– Не оставляй меня! – взвыл Рой. – Я не вижу! Она вернется!

– Да тише ты! – крикнул Стив с кухни. – Ну все, я здесь. Дай прямою тебе глаза. Думаю, ты не видишь просто потому, что они залиты кровью.

– Я ослеп! Я знаю, что ослеп. Побудь здесь, Стив. Они гонятся за мной... Они убьют меня, если найдут. Теперь я беспомощен и точно не смогу спастись.

– Кто гонится? – резко спросил Стив, наливая теплую воду в таз.

– Салливаны, – сказал Рой, безуспешно пытаясь поймать Стива за руку. – Ты их не знаешь. Никто их не знает. Они работают тайно... Профессиональные убийцы. Малыш Берни нанял их, чтобы прикончить меня.

– Здесь они тебя не найдут, – коротко сказал Стив. – Здесь ты в безопасности. Лежи тихо. Я промою тебе глаза. Может быть больно.

– Не трогай! – закричал Рой, прикрываясь руками. – Опять боль – я не вынесу!

Стив подождал.

– Что ты с ней сделал? – спросил он, когда Рой немного успокоился.

– Да ничего! – Рой простонал. – Она хотела, чтобы я пришел. Сама так сказала. Она позволила, чтобы я ее поцеловал. Потом я не смог вырваться. Она сильная, как схватит меня за шею... Укусила в губы. Это был ад... глаза горели, как фонари. Я отбивался, а потом она вцепилась ногтями. Как тигр. Она ненормальная... дикий зверь.

– Она испугалась, – сказал Стив холодно. – Я же велел тебе оставить ее в покое.

– Если Салливаны сейчас явятся... Что мне делать? Стив! Ты ведь не дашь им меня убить? – Рой сел, порывшись под подушкой. – Вот, возьми пистолет. Как увидишь, стреляй... Ты их ни с кем не спутаешь...

– Тише, – нетерпеливо сказал Стив. – Здесь ты в безопасности.

– Ты их не знаешь. Это профессиональные убийцы. Когда им нужно – все, из-под земли тебя достанут. Малыш Берни хорошо заплатил им. Они найдут меня. Я знаю, что найдут.

– Но почему? Зачем им убивать тебя?

Рой схватил его за пиджак.

– Мы с Берни провернули большое ограбление банка. Я смылся с деньгами. Берни меня обманывал, и я решил поквитаться. Двадцать тысяч долларов, и я их припрятал, но Берни пошел к Салливанам. Он знал, что они найдут меня, и они таки найдут!

– Здесь – не найдут, – повторил Стив.

– Найдут. Держи пистолет наготове. Стреляй, как только увидишь... они как два черных ворона... вот как они выглядят... два ворона...

– Ляг. Я смою кровь, – сказал Стив и заставил брата опуститься на подушку. – Лежи смирно.

Рой страшно закричал, когда влажная вата коснулась его глаз.

Два черных ворона.

Описание подходило Салливанам. Такая зловещая парочка в черных тесных плащах, мягких фетровых черных шляпах, черных брюках гармошкой и черных ботинках с острыми носами. Обе короткие толстые шеи были обмотаны черными шелковыми кашне.

Несколько лет назад они были звездами маленького бродячего цирка и объявляли их как «знаменитых братьев Салливан». Но братьями они не были – на самом деле их звали Макс Гёза и Фрэнк Курт. Они метали ножи и проявляли чудеса меткости при стрельбе. В финале номера они бросали покрытые фосфором ножи в ассистентку, стоявшую на фоне покрытой черным бархатом доски. Сцена была погружена в темноту, и публика видела только летящие ножи, которые, вонзаясь в доску в дюйме от дрожащего тела девушки, постепенно обозначали фигуру. Это была настоящая сенсация, и так оно могло тянуться годами, но Салливанам наскучили и цирк, и девица.

Собственно, девушка и стала причиной того, что они захотели бросить свой номер. Она была миленькая и сговорчивая, но не оценила манеры Салливанов за пределами сцены – да еще и влюбилась в клоуна, что, конечно, тоже прибавило забот.

Салливаны попытались найти другую ассистентку, но за скромные гонорары не удалось сыскать охотницу стоять под летящими ножами, да еще и проявлять покладистость после работы. В общем, они были сыты цирком по горло и сказали импресарио, что разрывают кон-

тракт, но импресарио отказался их отпускать. Он полагал (причем отнюдь не безосновательно), что их номер – гвоздь программы.

Именно поэтому однажды вечером Макс решил все их проблемы, запустив нож так, что тот пробил девице горло, вонзившись в доску: номер был закрыт, контракт разорван, девушка тоже больше не доставляла никаких хлопот. Макс не понимал, почему такое элементарное решение не пришло ему в голову раньше.

Макс же и решил, что теперь им стоит стать профессиональными убийцами. Смерть интересовала его. Забирая людские жизни, он словно уподоблялся богу, и ему нравилось ставить себя над другими и отдельно от других. И потом, ему хотелось много денег, он устал от грошей, которые можно было заработать в цирке.

Он рассуждал так: сотни мужчин и женщин хотят от кого-то избавиться, значит обществу полезен убийца-профессионал. Поскольку нет мотива, связывающего его с жертвой, убийца легко может ускользнуть от наказания, а если все тщательно спланировать и исполнить, то он и вовсе никогда не будет пойман. Фрэнка эта идея устроила – у него было полно энтузиазма, а вот собственных мыслей маловато. Макс знал, что лучшего партнера и пожелать нельзя. Так что они пустили слух, что готовы прикончить кого угодно за три тысячи долларов плюс сто долларов издержек в неделю. Даже Салливанов удивило, как быстро идею подхватили в определенных кругах и сколько на них посыпалось заказов.

Они разъезжали по всей стране на большом черном «паккарде-клипер» – два ворона, неуловимые, несущие с собой смерть. Полиция о них не знала, поскольку их жертвы боялись полиции и не обращались туда в поисках защиты. Порой до намеченной жертвы доходил слух, что за ней послали Салливанов, бывало, приговоренный пытался скрыться. Салливанам было безразлично, придется ли вести долгую охоту, или будет достаточно приехать к дому и выстрелить в жертву, когда та откроет дверь. Им была нужна лишь фотография жертвы, его имя и последний адрес, а поиски входили в пакет услуг. Им самим было нужно немного, и сто долларов вполне покрывали их недельные расходы. Трехтысячные гонорары они не трогали, но оставляли на время, когда уйдут на покой. Макс и Фрэнк безумно любили птиц и собирались купить магазин по продаже птиц, когда поднакопится первоначальный капитал, чтобы обустроить все с размахом.

Малыш Берни связался с ними на следующий день после того, как Рой надул его в истории с ограблением банка. Салливаны взяли у Роя за пять тысяч долларов. Они понимали, что Малыш Берни – большая шишка и у него достаточно своих людей, чтобы убить кого надо, стало быть, он пришел к ним именно потому, что предвидел затяжную и сложную работу. Так что на всякий случай они подняли цену.

Сложность была, естественно, в том, чтобы найти Роя. Его предупредили, что по его следам идут Салливаны, и он немедленно исчез с радаров. Стало ясно, что он покинул Нью-Йорк и так хорошо замел следы, что они терялись на вокзале Пенсильвания. Снова найти след казалось предприятием безнадежным.

Но не для Салливанов. Это были опытные охотники на людей. Чтобы найти жертву быстро, рассуждали они, нужно узнать ее привычки, выяснить, где живет родня, есть ли у приговоренного девушка и где она. Потом остается только запастись терпением, и рано или поздно человек найдется.

Они без труда выяснили, что у Роя есть брат, который год назад работал страховым агентом в Канзас-Сити. Они вроде бы совершенно зря съездили туда: оказалось, что Стив Ларсон вышел из страхового бизнеса и как будто держал звероферму, но где – непонятно.

Прошла неделя. Салливаны сидели в отеле в спальне и по очереди обзванивали все магазины, торгующие оборудованием для звероферм, какие только можно было найти в ближней и дальней округе, и спрашивали адрес Стива Ларсона. Они называли пользующуюся хорошей репутацией адвокатскую контору и говорили, что Ларсон много задолжал и им необходимо с

ним связаться. Наконец их терпение было вознаграждено. Фирма в Боннер-Спрингс снабжала Стива Ларсона оборудованием – и сотрудник с удовольствием сообщил его адрес.

Три дня спустя большой черный «паккард-клипер» въехал в Пойнт-Бриз, городок в долине, на расстоянии миль в двадцать от Голубой горы.

Салливаны припарковались у салуна, покинули машину и вошли в безлюдный бар. Они так привыкли выходить на арену, что и сейчас двигались как один, короткими быстрыми шагами, размахивая руками с одинаковой амплитудой, словно тени друг друга. В черной одежде, с такой манерой двигаться, они тут же привлекли к себе внимание, и люди смотрели им вслед, чувствуя смутную тревогу, будто перед ними были призраки.

Работая в цирке, они представлялись как братья и потому старались выглядеть одинаково – эта привычка сохранилась и впоследствии. Они оба носили тонкие, как карандашная линия, усики и очень коротко стриглись. Но на этом сходство заканчивалось. Макс был на пару дюймов ниже Фрэнка. У него было маленькое бледное лицо и плотно сжатые губы. Фрэнк был толстый и одутловатый, с крючковатым носом и вялым ртом, и каждый раз, собираясь что-то сказать, он облизывал губы. Глаза его обладали живостью стеклянных шариков.

Салливаны отодвинули два высоких стула у барной стойки и сели, положив руки в перчатках на прилавок.

Бармен окинул их взглядом, подумал, что это явно опасная парочка, но улыбнулся – не хватало еще нарываться на неприятности.

– Слушаю, джентльмены, – сказал он, вытирая прилавок перед ними.

– Два лимонада, – сказал Макс тихим высоким голосом.

Бармен бесстрастно обслужил их, но, когда он собрался отойти, Макс поманил его пальцем.

– Что у вас тут в городе творится? – спросил он, потягивая лимонад и глядя на бармена стеклянными глазами. – Расскажите. Мы не местные.

– Вот как раз сейчас суматоха поднялась. – Бармен явно был не против обсудить последние новости. – Завтра о нас будут писать газеты по всей стране. Только что от репортера слышал.

– А что случилось-то? – Макс удивленно вскинул бровь.

– Одна пациентка сбежала из больницы Гленвью, и оказалось, что это наследница шести миллионов баксов.

– И где эта самая больница?

– На холме, в пяти милях отсюда по дороге на Оуквилл. Дамочка укатила на грузовике, и грузовик, разбитый, нашли примерно в миле отсюда. Не исключено, что она убила шофера.

– А саму-то ее нашли? – спросил Фрэнк, пригубил лимонад и промокнул губы тыльной стороной перчатки.

– Кажется, нет. Все еще ищут. Утром здесь были копы. Никогда не видел столько копов сразу.

Глаза Макса загорелись.

– Откуда у чокнутой столько денег?

– От Джона Блэндиша, мясного короля. Может, помните историю с похищением? Так вот, это его внучка.

– Помню, – сказал Фрэнк. – Лет двадцать тому.

– Именно. Похититель и стал ее отцом. Больной на всю голову – и дочка такая же. А если ее не найдут за четырнадцать дней, то лечебница не сможет просто забрать ее назад. Такой у нас в штате закон. А потом она получит наследство – и вообще никто не сможет ничего поделать. Вот из-за чего весь сыр-бор.

Салливаны допили лимонад.

– Она правда сумасшедшая? Опасная? – спросил Макс.

Бармен энергично закивал:

– А то... убийца же.

– А как она выглядит? Ну, если вдруг мы на нее наткнемся.

– Говорят, рыжая красotka и шрам на левом запястье.

– Теперь точно узнаем, – сказал Фрэнк и положил на прилавок бумажный доллар. – А здесь поблизости нет ли звероферм? – продолжил он самым будничным тоном.

Бармен отсчитал сдачу.

– Конечно, ферма Ларсона «Серебристая лиса» на Голубой горе.

– Далеко?

– Почти двадцать миль.

Макс посмотрел на часы. Было полдесятого вечера.

– Нас интересуют лисы, – осторожно сказал он. – Хотели вот посмотреть. Он их продает?

– Думаю, да.

Бармен был явно удивлен. Эти двое никак не походили на меховщиков.

Они кивнули, как один развернулись к дверям, потом синхронно обернулись.

– Этот парень там один? – тихо спросил Макс.

– В смысле, справляется со всей фермой? Вроде да, но у него сейчас еще какой-то парень гостит, я видел неделю назад, как они вместе проезжали.

Салливаны и бровью не повели.

– Будь здоров, – сказал Фрэнк, и оба вышли из бара и направились к машине.

Фил Магарт, привалившись к дереву, смотрел, как они отъезжают. Он задумчиво потянул себя за длинный нос, сдвинул шляпу на затылок и направился в бар, из которого они только что вышли.

– Привет, Том, – сказал он, пододвигая себе стул и устало присаживаясь. – Начнем с виски, пожалуйста.

– Здравсте, мистер Магарт, – улыбнулся бармен. – Есть новости про ту ненормальную?

– Ни звука.

Магарт налил себе из черной бутылки, которую поставил перед ним бармен.

– Я рассказал тут двум типам вашу историю. Видели их? Двое в черном.

– Ага.

Бармен замаялся и почесал в затылке.

– Жуткая парочка, а сказали, что меховщики.

– Да ну? Мехаами занимаються? Вот уж на меховщиков они точно не похожи. Я их уже видел. Точнее, видел три раза за два года, и каждый раз вскоре кто-то бывал убит внезапно и жестоко. Понимаете, к чему я клоню?

Бармен уставился на него:

– О чем это вы, мистер Магарт?

– Сам не знаю, – признался Магарт. – Может, о том, что ребят вроде этих трудно забыть. Слышали о братьях Салливан?

– Вроде бы нет.

– Может, они и не существуют, но ходят слухи, что Салливаны – профессиональные убийцы. Заглянут вот так к кому-нибудь – и вот он уже сыграл в ящик. Интересно, не Салливаны ли эти двое? – Он явно размышлял вслух. – Что им было нужно?

– Спрашивали про Стива Ларсона. – Бармен, казалось, заволновался. – Спрашивали, один ли он там.

– Владелец зверофермы? На Голубой горе?

– Он самый. Хороший мужик. Покупает у меня виски. Вижу его раз в месяц. Неделю назад тоже приезжал, но заходить не стал, с ним был еще один парень.

– Правда? И эти двое спрашивали о нем?

Бармен кивнул:

– Вы же не думаете...

– Я никогда не думаю, – сказал Магарт. – Я выясняю, а когда выясню, то сажусь за пишущую машинку и строчу всякую чушь, которую ты читаешь за завтраком. Кошмар, правда? – Он направился к дверям, но обернулся. – Впрочем, ты, может, и не читаешь. Помалкивай об этом, Том. Понятно?

Он быстро вышел из бара.

Веки Роя так распухли, что пока невозможно было определить, насколько серьезно он пострадал. Стив остановил кровотечение и постарался хоть как-то облегчить состояние брата.

– Я пойду за Кэрол, – сказал он, когда закончил. – Не могу же я...

Но протестующий вопль Роя не дал ему продолжить.

– Нет! – Рой вскочил. – Ты не можешь оставить меня. Вдруг она прячется где-нибудь и только и ждет, что ты выйдешь за ней. Она хочет... прикончить меня!

– Да заткнись ты! – прикрикнул на него Стив. – Я пойду, не ной.

– Не будь дураком, Стив, – выдохнул Рой, незряче протягивая руки. – Она опасна... она тебя убьет. Вцепится, как в меня...

Стив выглянул в безлунную ночь. Ему не хотелось выходить в темноту, но он не мог допустить, чтобы Кэрол бродила где-то, а он даже не попытался бы найти ее. Он подумал о выцарапанных глазах шофера, вспомнил, как похожа была Кэрол на хитрое животное, когда прошлой ночью разгуливала по веранде, посмотрел на жалкое создание, умоляющее не оставлять его одного, – и похолодел. А если она правда опасна? Если безумна? Вдруг она повредила умом от того удара головой? Впрочем, едва ли. Безумцами обычно рождаются. От удара головой трудно стать убийцей. Она была до смерти напугана – вот в чем дело. Сначала на нее посягал шофер, потом Рой. Ну, тогда они получили по заслугам. С ним она так не поступила бы. Не нужно пугать ее – и все будет хорошо.

– Я пошел, Рой, – сказал Стив и сунул пистолет в руку брата. – Держи. Если она вернется, стреляй в потолок. Я далеко не уйду.

Он оделся, не слушая протестов Роя.

– Ты не вернешься, я знаю. Она где-то в засаде. – Рой скулил не переставая. – Ты не знаешь, какая она сильная. Она убьет тебя, Стив, и что тогда будет со мной? Я беспомощный! Я ничего не вижу! – Он повысил голос и сел в кровати. – Я слепой! Остайся со мной, Стив! Не уходи!

– Да замолчи ты! – гневно оборвал его Стив. – Сам напросился, между прочим, и получил по заслугам, так что не ной.

Стив схватил фонарик и вышел во двор. Было тихо. Луна стояла высоко над вершинами сосен, которые отбрасывали резкие тени.

Пятнаш куда-то запропастился, и Стиву было неуютно одному. Он спустился к озеру, постоял у кромки воды, прислушиваясь и вглядываясь в густой темный лес. «Она ушла туда», – подумал он с тревогой. Может, прячется там и наблюдает за ним?

Он пошел по тропе вдоль озера. Внезапный шорох в деревьях заставил его остановиться. Сердце колотилось о ребра. Птица промелькнула в ветвях и полетела над озером. Стив выдохнул. Только сейчас он осознал, насколько взвинчен.

Впереди тропа сворачивала от озера в лес. Там было темно, и он снова остановился, не желая уходить с освещенной луной тропы в зияющую перед ним темноту.

– Кэрол? – позвал он. – Это Стив. Ты где, Кэрол?

Над озером разнеслось слабое эхо его голоса.

Где ты, Кэрол?

Жутковатый звук, словно бестелесный голос, глумящийся над ним.

Он шагнул вперед, и темнота сомкнулась вокруг него. Теперь он ничего не видел, пришлось включить фонарик. Яркий луч осветил узкую тропу. Над головой ветви сосен угрожающе тянулись к нему. Он шел, то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Вдруг он осознал, что не один, что за ним наблюдают, и, быстро развернувшись, повел фонариком, освещая кусты и деревья, – но нет, никого.

– Ты здесь, Кэрол? – позвал он чуть дрожащим голосом. – Это Стив. Ты нужна мне, Кэрол.

За спиной у него из кустов поднялась темная фигура и бесшумно подкралась.

Впереди громко хрустнула сухая ветка. Он осветил туда фонариком и застыл на месте. В ярком луче стоял мужчина, одетый в черное, с тяжелым револьвером сорок пятого калибра.

– Руки вверх, Ларсон, – тихо сказал Макс.

Две ладони ощупали его карманы сзади. Он оглянулся и увидел второго человека – Фрэнка. Холод пробежал у него по спине.

«Два черных ворона: Салливаны!» – подумал Стив, и у него пересохло во рту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.